

КРУГ ЧТЕНИЯ

Дэвид НИКОЛС

Вопрос на десять баллов

Теплая и забавная книга могла бы стать
«Над пропастью во ржи» по-британски,
если бы не была такой смешной.

Daily Mirror

ДЭВИД НИКОЛС

Вопрос на десять баллов

«Азбука-Аттикус»

2003

Николс Д.

Вопрос на десять баллов / Д. Николс — «Азбука-Аттикус», 2003

В шестнадцать лет все переживания Брайана Джексона были связаны с тем, что в его жизни не будет ничего более достойного, чистого, благородного и правильного, чем оценки на выпускных экзаменах средней школы. А в восемнадцать он, поступив в университет, считает, что стал намного мудрее, и спокойнее смотрит на жизнь. Теперь его амбиции простираются гораздо дальше: он мечтает обзавестись оригинальной идеей, чтобы на него обратили внимание, а еще он страстно желает завоевать сердце девушки своей мечты, с которой вместе учится. Ему кажется, что самый простой способ осуществить это – всего лишь пробиться в университетскую команду для участия в телеконкурсе и прославиться своими ответами. Но Брайан даже не догадывается, что самый сложный вопрос задаст ему жизнь: какова разница между знанием и мудростью? Роман «Вопрос на десять баллов» был с успехом экранизирован британскими кинематографистами совместно с голливудскими коллегами. Сценарий к фильму был написан Дэвидом Николсом, а главные роли в картине с блеском сыграли Джеймс Макэвой и Бенедикт Камбербэтч. Дэвид Николс не остановился на достигнутом и написал сценарий по еще одному своему роману «Один день», по которому в 2011 году был снят одноименный фильм с великолепной Энн Хэтэуэй, обладательницей «Оскара», в главной роли.

© Николс Д., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Первый раунд	6
1	6
2	11
3	17
4	21
5	26
6	31
7	35
8	40
Второй раунд	47
9	47
10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дэвид Николс

Вопрос на десять баллов

© Ю. Новиков, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Посвящается Энн и Алану Николс.
И конечно же, Хане.*

Первый раунд

Она хорошо знала этот тип людей – неясные стремления, психические расстройства, знакомство с окружающим миром посредством книг...

Э. М. Форстер. Ховардс-Энд

1

В о п р о с: Какой дворянин, пасынок Роберта Дадли, одно время бывшего фаворитом Елизаветы I, возглавил плохо спланированный бунт против королевы и был впоследствии казнен в 1601 году?

О т в е т: Эссекс.

У всех молодых людей есть повод для волнений – это естественная и неотъемлемая часть процесса взросления. У меня в возрасте шестнадцати лет все переживания были связаны с тем, что в моей жизни не будет ничего более достойного, чистого, благородного и правильного, чем оценки за экзамены в предпоследнем классе средней школы.

В то время, конечно же, меня это не волновало. Я не развешивал свои аттестаты в рамках, или что-нибудь вроде этого, и сейчас даже не буду упоминать, какие именно оценки я получил, потому что от этого веет соперничеством, а скажу просто, что оценки мне определенно понравились – в шестнадцать лет я впервые почувствовал себя настоящим специалистом.

Но это было давным-давно. Теперь мне восемнадцать, и мне нравится думать, что я стал намного мудрее и круче в этих вопросах. Поэтому оценки за выпускные экзамены по сравнению с моими прежними тревожностями – полная фигня. Кроме того, идея измерения интеллекта при помощи какой-то дурацкой старомодной системы письменных экзаменов явно нелепа. Между прочим, мои оценки за экзамен второго уровня были лучшими в средней школе «Лэнгли-стрит» в 1985 году, причем лучшими за пятнадцать лет (три пятерки и одна четверка, в сумме девятнадцать баллов), но, честное слово, на самом деле я не придаю этому особого значения, я упомянул об этом мимоходом. Да и вообще, что ни говори, по сравнению с другими качествами, такими как мужество, популярность, хороший внешний вид, чистая кожа или активная половая жизнь, такая чепуха не имеет никакого значения.

Но, как говаривал мой папа, самое важное в образовании – это те возможности, которые оно предоставляет, двери, которые распахивает перед тобой, потому что иначе знание, по сути и само по себе, – это темная аллея, особенно если смотреть с того места, где я сижу сейчас, в конце сентября, в среду вечером, – на фабрике, выпускающей тостеры.

Все каникулы я отпахал в отделе отгрузки компании «Эшворт электрикалз», где отвечал за укладку тостеров в коробки перед отправкой их в розничную сеть. Конечно, существует не так уж много способов запихнуть тостер в коробку, так что эта пара месяцев была скучноватой, но в плюсе были 1,85 фунта в час и столько тостов, сколько ты способен съесть. Поскольку сегодня я работаю здесь последний день, то гляжу в оба, высматривая, когда коллеги начнут тайком передавать друг другу открытку для подписи и собирать деньги для прощального подарка. Мне не терпится узнать, в какой же паб мы пойдем, чтобы обмыть мой уход, но уже 16:15, поэтому логичнее предположить, что все попросту разойдутся по домам. Оно и к лучшему, поскольку на вечер у меня все равно другие планы, так что я собираю свои пожитки,

хватая горсть ручек и моток скотча из шкафчика для канцелярии и направляюсь на пирс, где у меня назначена встреча со Спенсером и Тони.

Саутендский пирс, длиной 2360 ярдов, или 2 километра 158 метров, официально признан самым длинным в мире. Наверное, это слегка чересчур, особенно когда тащишь много пива. У нас двенадцать больших банок светлого пива «Скол», свиные тефтели в кисло-сладком соусе, рис специальной обжарки и порция жареной картошки с соусом карри – запахи со всего мира, – но, пока мы доходим до конца пирса, пиво нагрелось, а еда остыла. Раз у нас сегодня особый случай, Тони пришлось притаранить свой гетто-бластер – мафон размером с небольшой шкаф, который никогда не взрывал тишины в гетто, если только не считать Шуберинесса¹. Сейчас играет нарезанная Тони подборка «Лучшие хиты „Led Zeppelin“», а мы садимся на лавочку и наблюдаем, как солнце величественно прячется за нефтеперегонный завод.

– Ты не станешь засранцем, а? – спрашивает Тони, открывая банку.

– Ты о чем?

– Он о том, чтобы ты не стал слишком студентиться перед нами, – поясняет Спенсер.

– Ну, я же студент, вернее, буду, так что...

– Нет, я хочу сказать, чтобы ты не стал полным занудой, а то задерешь нос, будешь приезжать домой на Рождество в мантии, говорить на латыни, вворачивая обороты типа «мне думается», «по-видимому» и все такое прочее.

– Ага, Тони, именно таким я и собираюсь стать.

– А вот и фигушки. Потому что ты и так засранец порядочный, и большим засранцем тебе уже не стать.

Тони часто называет меня засранцем. Или засранцем, или педрилой, но трюк в том, чтобы сделать определенную лингвистическую поправку и стараться думать об этих словах как о ласковых обращениях, вроде того как некоторые пары говорят «дорогой» или «любимая». Тони только что пошел работать на склад «Каррис» и начал собирать небольшую коллекцию из тыренных переносных мафонов, как тот, что мы сейчас слушаем. Кассету с «Цеппелинами» тоже притаранил Тони; он любит называть себя металлистом, что звучит куда более профессионально, чем «рокер» или «фанат хеви-метал». Одевается он тоже как металлист: много голубой джинсы, длинные блестящие светлые волосы, зачесанные назад, – в общем, он похож на женоподобного викинга. На самом деле единственное, что в Тони женственного, – так это его волосы. Он, как ни крути, мужчина со склонностью к насилию и жестокости. Можете считать, что вечер с Тони удался, если вы вернулись домой с сухой головой, так как и Тони не засунул ее в унитаз и не спустил воду.

Сейчас играет «Stairway to Heaven».

– Мы еще долго будем слушать эту гребаную хипповскую херню, Тони? – спрашивает Спенсер.

– Это же «Цеппелины», Спенс.

– Я знаю, что это «Цеппелины», поэтому и хочу, чтобы ты вырубил эту херню.

– «Цеппелины» – круче всех!

– С чего это? Потому что ты так говоришь?

– Нет, потому что эта группа обладает огромным влиянием и важностью.

– Тони, они поют о феях. Это детский сад...

– Не о феях...

– Значит, об эльфах, – встречаю я.

– Это не просто феи и эльфы, это Толкин, литература! – Тони без ума от таких книг, где на форзаце – карты, а на обложках – мускулистые женщины устрашающего вида в кольчугах

¹ Город в Эссексе с высоким уровнем уличной и подростковой преступности. – *Здесь и далее примеч. пер.*

вместо нижнего белья, с палашами в руках; женщины, на которых он женился бы в идеальном мире. Мечта эта в Саутенде намного более осуществима – более, чем вы думаете.

– А какая, на фиг, разница между феей и эльфом? – спрашивает Спенсер.

– Черт его знает. Спроси Джексона. Он офигенный знаток определений.

– Черт его знает, Тони, – говорю я.

Взвыло гитарное соло, и Спенсер морщится:

– Эта песня когда-нибудь кончится или она будет играть и играть, играть и играть?..

– Семь минут тридцать две секунды чистого гения.

– Чистой муки, – уточняю я. – И вообще, почему ты вечно выбираешь музыку?

– Потому что это мой мафон...

– Который ты *стырил*. Формально он все еще принадлежит «Каррис».

– Ага, но я купил батарейки...

– Нет, ты *стырил* батарейки.

– Не эти. Эти я купил.

– В таком случае сколько стоят батарейки?

– Фунт девяносто восемь.

– Хорошо, я даю тебе шестьдесят шесть пенсов. Теперь мы можем поставить что-нибудь стоящее?

– Что, типа Кейт Буш? Ну ладно, Джексон, давай немного послушаем Кейт Буш, мы все прекрасно проведем время, слушая Кейт Буш, и прекрасно, прекрасно потанцуем под Кейт Буш и подпоем Кейт Буш. — Пока мы сцепились с Тони, Спенсер протягивает руку к гетто-бластеру, невозмутимо вытаскивает «Лучшие хиты „Цеппелинов“» и забрасывает их далеко в море.

Тони ойкает, швыряет в Спенса банкой с пивом, и они оба бегут по пирсу. Лучше не особо встречать в драки. Тони немного теряет над собой контроль, становится одержим духом Одина или что-то в этом роде, и, если я встряну, это обязательно закончится тем, что Спенсер усядется мне на грудь, держа мои руки, пока Тони пердит мне в лицо, поэтому я просто сижу очень спокойно, пью пиво и смотрю, как Тони пытается перекинуть ноги Спенсера через ограду пирса.

Хотя сейчас сентябрь, в вечернем воздухе уже витает сырая прохлада, ощущение лета сходит на нет, и я рад, что на мне шинель, проданная как излишек запасов с армейских складов. Я всегда ненавидел лето: то, как солнце бьет вечером в экран телевизора, и неизбежные футболки и шорты. Я ненавижу футболки и шорты. Если бы я стоял у дверей аптеки в футболке и шортах, то гарантирую: какая-нибудь милая старушка попробовала бы положить мне монетку на макушку.

Нет, чего я на самом деле жду, так это осени, когда можно будет попинать опавшие листья по дороге на лекцию, взволнованно поговорить о поэтах-метафизиках с девушкой по имени Эмили, или Катрин, или Франсуаза, или что-нибудь в этом роде, в плотных черных шерстяных колготках и с прической как у Луизы Брукс, затем пойти в ее крошечную мансарду и заняться любовью перед электрокамином. Потом мы почитаем Т. С. Элиота и выпьем лучшего марочного портвейна из крошечных рюмочек под Майлза Дэвиса. В любом случае именно так я себе все и представлял. Университетский опыт. Мне нравится слово «опыт». Это похоже на поездку в «Алтон тауэрс»².

Тем временем драка закончилась, и Тони сжигает свою чрезмерную агрессию, швыряя в чаек свинными тефтелями. Возвращается Спенсер, заправляет рубашку, садится рядом со мной и открывает новую банку пива. Спенсер имеет особый подход к обращению с пивной банкой. Глядя на него, можно подумать, что он пьет из фужера для мартини.

² Крупный парк аттракционов, расположенный в г. Алтон, Стаффордшир.

Спенсера мне будет больше всех не хватать. Он не идет учиться в университет, хотя наверняка он самый умный человек из всех, кого я встречал, а также самый красивый, надежный и крутой. Ничего из этого я ему, естественно, не скажу, потому что это будет звучать немного льстиво, да это и не нужно, поскольку он и так все это знает. Он мог бы пойти в университет, если бы по-настоящему этого захотел, но он завалил экзамены, не так чтобы совсем нарочно, но вполне демонстративно. На экзамене по английскому Спенсер сидел за соседней партой, и по движениям его руки было видно, что он не писал, а рисовал. На вопрос о Шекспире этот умник ответил рисунком «Виндзорские проказницы», о поэзии – картиной под названием «Уилфред Оуэн на собственном опыте переживает ужас окопной войны». Я все старался заглянуть ему в глаза, чтобы ободрить взглядом, как бы говорящим «ну давай, дружище», но он все не поднимал головы, рисовал, потом через час встал и вышел, подмигнув мне по пути; это было не дерзкое подмигивание, а подмигивание немного печальное, красным и подернутым слезой глазом – словно бравый солдат из расстрельной команды по пути на казнь.

После этого он просто перестал приходить на экзамены. В частных разговорах несколько раз прозвучала фраза «нервный срыв», но мой друг слишком крут, чтобы иметь нервный срыв. Или, даже если он у него был, Спенсер заставил свой нервный срыв выглядеть круто. Я на это смотрю так: весь этот извращенный экзистенциализм в духе Джека Керуака хорош до определенной степени, если только он не мешает получать нормальные оценки.

– А ты что собираешься делать, Спенс?

Он сузил глаза и посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду под «делать»?

– Сам знаешь. Работа и все такое.

– У меня есть работа. – Спенсер стоит на бирже труда, но в то же время работает за зарплату в конверте на круглосуточной заправке на трассе А-127.

– Я знаю, что у тебя есть работа. Но в будущем...

Спенсер смотрит на устье реки, и я начинаю сожалеть о том, что затронул эту тему.

– Твоя проблема, друг мой Брайан, в том, что ты недооцениваешь прелести жизни в круглосуточной заправочной станции. Я ем столько шоколадок, сколько хочу. Читаю дорожные атласы. Вдыхаю интересные запахи. Беру бесплатные винные фужеры. – Он отпивает большой глоток пива и ищет повод сменить тему. Достает из своей кожаной куртки кассету, бумажный вкладыш которой разрисован от руки. – Я записал ее для тебя. Так что можешь ставить это своим новым университетским друзьям, пусть думают, будто у тебя есть вкус.

Я беру кассету, на торце которой аккуратными трехмерными заглавными буквами написано: «Университетский сборник Брая».

– Спасибо, друг, это просто супер...

– Брось, Джексон, это всего лишь кассета за шестьдесят девять пенсов из супермаркета, и нечего кричать об этом, – говорит он, но мы оба знаем, что девяностоминутная компиляция означает добрых три часа работы, и даже больше, если собираешься разрисовать вкладыш. – Поставишь, ладно? Пока этот придурок не вернулся.

Я вставляю кассету, нажимаю клавишу воспроизведения, и из колонок несется «Move On Up» Кертиса Мэйфилда. Спенсер большой модник, но сейчас его пробило на старый добрый джаз: Эл Грин, Джил Скотт-Херон и тому подобное. Спенсер настолько крут, что ему даже нравится джаз. Не Шаде или там «The Style Council», а настоящий *джаз*: раздражающая, нудная фигня. Мы сидим и некоторое время слушаем. Тони меж тем пытается выковырять деньги из телескопов перочинным ножом, который мы купили во время экскурсии в Кале с классом, и мы со Спенсером наблюдаем за ним, как снисходительные родители за ребенком с серьезными проблемами поведения.

– Значит, будешь приезжать домой на выходные? – спрашивает Спенсер.

– Не знаю. Хотелось бы. Не каждые выходные.

– Ты уж постарайся, ладно? Иначе мне придется торчать здесь одному с этим Кона-ном-Варваром, – и Спенсер кивает в сторону Тони, который носится с телескопом и швыряет его о землю.

– А не сказать ли нам какой-нибудь тост? – предлагаю я.

Спенсер кривит губу:

– Тост? Зачем?

– Ну, знаешь, за будущее или что-нибудь в таком духе?

Спенсер вздыхает и чокается со мной своей банкой.

– За будущее. Будем надеяться, твоя кожа очистится.

– Пошел на хрен, Спенсер, – говорю я.

– Пошел на хрен, – отвечает он со смехом.

К последней баночке пива мы уже порядочно набрались, поэтому лежим на спине и ничего не говорим, а просто слушаем море и песню «Try a Little Tenderness» Отиса Реддинга, и этим ясным поздним летним вечером, глядя на звезды, лежа между двух моих лучших друзей, я ощущаю, что наконец-то начинается настоящая жизнь и возможно абсолютно все.

Я хочу слушать сонаты для фортепиано и знать, кто играет. Я хочу ходить на концерты классической музыки и знать, где положено хлопать. Я хочу врубаться в современный джаз, чтобы он не звучал для меня как ужасная ошибка, и хочу знать, кто все-таки такие «Velvet Underground». Хочу полностью погрузиться в Мир Идей, хочу понимать комплексную экономику и знать, что люди находят в Бобе Дилане. Хочу иметь радикальные, но гуманные политические идеалы, основанные на хорошей осведомленности, хочу вести страстные интеллектуальные споры, сидя за круглым деревянным кухонным столом, оперируя фразами типа «давайте унифицируем глоссарий!» или «ваши аргументы явно неверны!», а затем вдруг обнаружить, что солнце уже встало, а мы беседовали всю ночь напролет. Хочу с уверенностью произносить слова «эпонимический», «солипсизм» и «утилитарный». Хочу научиться разбираться в редких винах, экзотических ликерах, односолодовых виски, хочу научиться пить все эти напитки, не нажираясь в стельку, и есть необычные экзотические блюда, яйца ржанок и лобстер «термидор», продукты, названия которых звучат совершенно несъедобно, а то и вовсе произносимы. Хочу заниматься любовью с красивыми, зрелыми, робкими женщинами при дневном свете или даже с включенным светом, и трезвым, и без страха, хочу бегло говорить на многих языках, возможно, даже на мертвом языке, а то и парочке, а также носить небольшую записную книжку в кожаном переплете, в которую я буду набрасывать свои пронизательные мысли и наблюдения и, время от времени, стихотворную строчку. Больше всего я хочу читать книги: книги толстые, как кирпичи, книги в кожаном переплете с невероятно тонкими страницами, и еще с такими пурпурными ленточками-закладками; дешевые, пыльные сборники стихов с букинистических развалов и невероятно дорогие импортные книги с малопонятными эссе из зарубежных университетов.

В какой-то момент я хотел бы обзавестись оригинальной идеей. Мне хотелось бы кому-нибудь понравиться, или даже чтобы кто-нибудь меня любил, но я еще подумаю. А что касается работы, то не уверен, что именно хочу делать, но точно что-нибудь такое, что я не буду презирать и от чего меня не будет мутить, а это значит, что мне не надо будет постоянно ломать голову, где взять деньги. И все эти вещи даст мне университетское образование.

Мы допили пиво, а затем начался полный беспредел. Тони выбросил мои ботинки в море, и мне пришлось возвращаться домой в носках.

2

В о п р о с: В каком фильме, снятом по мотивам произведения Ханса Кристиана Андерсена Поуэллом и Прессбургером в 1948 году, Мойра Ширер нашла свою смерть, танцуя перед паровозом?

О т в е т: «Красные башмачки».

Дом шестнадцать по Арчер-роуд, как и все остальные дома по Арчер-роуд, это *maisonette*, уменьшительная форма от французского существительного (женского рода) *maison*, дословно означающая «маленький дом». Здесь я живу со своей мамой, и если вы хотите увидеть по-настоящему неустроенный быт, вам обязательно надо взглянуть, как восемнадцатилетний мужчина и сорокалетняя вдова живут в этом домике.

Вот, например, сегодня утром. Полдевятого, я лежу под одеялом, слушаю «Утреннее шоу» и смотрю на модели самолетов, висящие под потолком. Знаю, мне нужно было их давно снять, но в какой-то момент, пару лет назад, они превратились из наивно-мальчишеских в забавно-китчевые штучки, поэтому я их не стал трогать.

Мама входит, потом стучится.

– Доброе утро, соня. Сегодня у тебя большой день.

– Мам, ты когда-нибудь будешь стучать?

– Но я стучу!

– Нет, ты сначалаходишь, а потом стучишь. Это не считается...

– Ну и что? Ты же тут ничего не делаешь? – покосилась она на меня.

– Нет, но...

– Только не говори, что у тебя здесь девушка. – Она приподнимает край одеяла. – Вылезай, дорогая, не стесняйся, давай поговорим. Выходи-выходи, не стесняйся...

Я резко натягиваю одеяло на голову:

– Спускаюсь через минуту...

– У тебя в комнате пахнет, и сильно пахнет, ты знаешь?

– Не слышу, мама...

– Пахнет мальчишками. И что мальчишки делают, чтобы так пахнуть?

– Я ведь сегодня уезжаю, не забыла?

– Когда у тебя поезд?

– В двенадцать пятнадцать.

– Так почему ты до сих пор в кровати? Вот, купила тебе подарок на прощание... – И она швыряет на одеяло пластиковый пакет.

Я открываю его. Внутри оказывается прозрачный пластиковый тубус, вроде того, в котором хранят теннисные мячи, но в нем лежат три пары скрученных в тугие шарики хлопковых плавок – красные, белые и черные, цвета фашистского флага.

– Мам, тебе не стоило...

– О, это такой пустяк.

– Нет, я хочу сказать, зря ты это.

– Не умничайте, молодой человек. Давай вставай. Тебе еще нужно собирать вещи. И открой окно, пожалуйста.

Когда она уходит, я вытряхиваю трусы из пластиковой упаковки, наслаждаясь торжественностью момента. Потому что, честное слово, это Последние Трусы, Которые Покупает Мне Мама. Белые еще куда ни шло, ну, еще черные я могу понять – они более ноские, но красные? Может, они должны выглядеть пикантно или типа того? Для меня красные трусы – это трусы, которые означают «стоп» и «опасность».

Но, предавшись смелому духу приключений, я встаю с кровати и надеваю красные трусы. Что, если они как красные башмачки и я никогда не смогу их снять? Надеюсь, это не так, потому что когда я смотрюсь в зеркало, чтобы проверить эффект, то обнаруживаю: вид у меня такой, словно мне выстрелили в пах. Я надеваю вместо них вчерашние трусы и с нечищеными зубами, кисло-сладким дыханием и легким головокружением после вчерашнего «Скола» спускаюсь по лестнице завтракать. Не могу поверить, что я на самом деле уезжаю. Не могу поверить, что мне разрешили.

Но самая большая проблема на сегодня – это собрать вещи, выйти из дому и сесть на поезд, не услышав от мамы фразы: «Твой папа гордился бы тобой».

Июльский вечер, вторник. На улице еще достаточно светло, и мы наполовину закрыли шторы, чтобы можно было нормально смотреть телик. Я в пижаме и халате после ванны, пахну «Детолом», и все мое внимание сосредоточено на бомбардировщике «Ланкастер» на чайном подносе передо мной – модель масштаба 1:72 фирмы «Эрфикс». Папа только что пришел домой с работы, он пьет пиво из банки, и дым от его сигареты плавает в лучах заката.

– Начальный вопрос на десять баллов: при каком британском монархе в последний раз велись активные боевые действия?

– При Георге Пятом, – говорит папа.

– При Георге Третьем, – говорит Уиллер, Колледж Иисуса, Кембридж.

– Верно. Ваш бонусный раунд начинается с вопроса по геологии.

– Разбираешься в геологии, Брай?

– Немного, – смело заявляю я.

– Какой из трех основных классов породы, на вид кристаллический или стекловидный, формируется путем остывания и отвердевания расплавленной магмы?

Это я знаю. Я наверняка это знаю.

– Вулканическая, – говорю я.

– Магматическая, – говорит Армстронг, Колледж Иисуса, Кембридж.

– Верно.

– Близко, – говорит папа.

– Какую структуру имеет изверженная порода с включениями крупных ограненных кристаллов, известных как «вкрапленники»?

Попытка не пытка.

– Гранулярную, – говорю я.

– Порфировую? – отвечает Джонсон, Колледж Иисуса, Кембридж.

– Верно.

– Почти, – говорит папа.

– Какой поэт Викторианской эпохи написал эпическую поэму «Любовник Порфирии», в которой главный герой душист свою возлюбленную ее же волосами?

Подождите-ка, а вот это я знаю наверняка. Роберт Браунинг. Мы это проходили на английской литературе на прошлой неделе. Это Браунинг. Я точно знаю.

– Роберт Браунинг, – говорю я, изо всех сил стараясь не кричать.

– Роберт Браунинг? – говорит Армстронг, Колледж Иисуса, Кембридж.

– Верно. – И зрители в студии аплодируют Армстронгу, Колледж Иисуса, Кембридж, но мы оба знаем, что эти аплодисменты адресованы мне.

– Черт побери, Брай, откуда ты это знаешь? – удивляется папа.

– Просто знаю, – отвечаю я. Мне хочется обернуться и посмотреть на его лицо, посмотреть, улыбается ли он – он редко улыбается, по крайней мере, не после работы, – но я не хочу выглядеть самодовольным, поэтому сижу неподвижно и смотрю на его залитое солнцем отражение на экране телика. Он затягивается сигаретой, затем ласково кладет

пропахшую дымом руку мне на голову, будто кардинал, приглаживает мои волосы длинными, с пожелтевшими ногтями пальцами и говорит:

– Ты поаккуратнее, а то в один прекрасный день сам там окажешься.

Я улыбаюсь и чувствую себя умным, сообразительным и готовым к новым переменам в жизни. Естественно, после этого я становлюсь самоуверенным и пытаюсь ответить на каждый вопрос, и всякий раз неверно, но это уже не имеет значения, потому что если один раз я ответил правильно, то рано или поздно снова дам правильный ответ.

Думаю, будет правильным сказать, что я никогда не был рабом мимолетных капризов моды. Не то чтобы я антимоден, но из множества молодежных течений, пришедшихся на мой недолгий век, ни одно мне по-настоящему не шло. В конце концов, суровая правда жизни состоит в том, что если ты – фанат Кейт Буш, Чарлза Диккенса, игры скребл, Дэвида Аттенборо и программы «Университетский вызов», то в окружающей жизни тебя мало что привлекает, если говорить о молодежных течениях. Нельзя сказать, что я не пытался. Какое-то время назад я вдруг проснулся и стал прикидывать, не стать ли мне готом, но, кажется, это была всего лишь короткая фаза. Кроме того, основная черта гота мужского пола – одежда аристократического вампира, а если и есть в жизни малоубедительные вещи, то я в образе аристократического вампира буду наиболее малоубедителен. У меня просто отсутствуют скулы. Кроме того, быть готом – значит слушать готическую музыку, о чем не может идти и речи.

В общем, это было мое едва ли не единственное легкое соприкосновение с молодежной культурой. Полагаю, вы не ошибетесь, если скажете, что мой личный подход к стилю можно описать как неформальный и в то же время классический. Джинсам я предпочитаю хэбэшные слаксы со складками, но светлой джинсе я предпочитаю темную. Пальто должно быть тяжелым, длинным, с поднятым воротником, а шарфы должны быть с бахромой, черными или красными, как бургундское вино, и все это актуально с раннего сентября до позднего мая. Ботинки должны быть на тонкой подошве и не слишком остроносими, и (что особенно важно) с джинсами следует носить только черные или коричневые туфли.

Но нынче я не боюсь экспериментировать, особенно теперь, когда решил воспользоваться шансом заново открыть себя. Поэтому сейчас на кровати передо мной лежит старый раскрытый родительский чемодан, и я просматриваю свои последние покупки, которые приберегал для особого случая, то есть на сегодня. Во-первых, это моя новая спецовка, необыкновенно плотная, тяжелая вещь, похожая на ослиную шкуру. Ею я особенно доволен – она подразумевает смесь искусства и тяжелого ручного труда: «Хватит этого Шелли, пойду что-нибудь забетонирую». Потом идут пять дедовских рубах, различных оттенков белого и голубого, которые я купил по 1,99 фунта во время однодневной поездки на Карнаби-стрит с Тони и Спенсером. Спенсер их ненавидит, но мне они кажутся классными, особенно в сочетании с черным жилетом, который я оторвал за три фунта в магазине секонд-хенда «Помощь престарелым». Жилет пришлось прятать от мамы, но не потому, что она имеет что-либо против «Престарелых», а потому, что она считает: секонд-хенд – это так вульгарно; следующий шаг – это поднимать пищу с пола. Чего я добиваюсь сочетанием жилет—дедовская рубаха—круглые очки, так это вида контуженного молодого боевого офицера с заиканием и записной книжкой, полной стихов, которого отправили обратно домой, подальше от зверств фронта, но который продолжает выполнять свой патриотический долг, работая на ферме в глухой глостерширской деревушке, где местные жители воспринимают его с неприветливым подозрением, но которого тайно любит на расстоянии красивая, начитанная суфражистка, дочь викария, исповедующая пацифизм, вегетарианство и бисексуальность. Это действительно прекрасный жилет. И что ни говори, это не секонд-хенд, это винтаж.

Следующая вещь – папин вельветовый пиджак. Я разглаживаю его на кровати и аккуратно складываю рукава на груди. Спереди на нем небольшое чайное пятно, которое я посадил

пару лет назад, когда совершил ошибку – надел его на школьную дискотеку. Знаю, это слегка ненормально, но мне казалось, что это хороший жест, нечто вроде дани памяти. Наверное, надо было сначала спросить у мамы, потому что, когда она увидела меня перед зеркалом в папином пиджаке, она издала пронзительный крик и швырнула в меня чашку чая. Когда она наконец поняла, что это всего лишь я, она разрыдалась, упала на кровать и проплакала полчаса, что было очень хорошим разогревом перед вечеринкой. Когда мама успокоилась и я ушел на дискотеку, у меня состоялся следующий разговор с моей возлюбленной-на-всю-жизнь той недели Джанет Паркс:

Я: Медленный танец, Джанет?

Джанет Паркс: Прекрасный пиджак, Брай.

Я: Спасибо!

Джанет Паркс: Откуда он у тебя?

Я: Это папин!

Джанет Паркс: Но разве твой папа не... умер?

Я: Ага!

Джанет Паркс: Так ты носишь пиджак покойного отца?

Я: Точно. Так что насчет танца?

...Тут Джанет прикрыла рот рукой и медленно удалилась в угол, где стояли Мишель Томас и Сэм Добсон, начала шептаться с ними и показывать на меня пальцем, а после вечеринки ушла домой со Спенсером Льюисом. Но я не затаил злобу после того случая, ничего подобного. Кроме того, в университете ни одна из этих историй уже не будет иметь значения. Никто, кроме меня, не будет этого знать. В университете это будет всего лишь неплохой вельветовый пиджак. Я складываю пиджак и убираю его в чемодан.

Мама входит, потом стучит, и я поспешно закрываю чемодан. У нее и так был заплаканный вид, ей только папиного пиджака не хватает, чтобы разреваться. В конце концов, она взяла отгул на полдня, чтобы как следует выплакаться.

– Уже почти собрался?

– Почти.

– Возьмешь с собой сковородку для картошки?

– Нет, мам, без нее обойдусь.

– А что же ты тогда будешь есть?

– Люди питаются не только жареной картошкой, знаешь ли!

– Только не ты.

– Хорошо, может, я начну. В любом случае, всегда можно приготовить картошку в духовке. – Я оборачиваюсь и вижу, что она почти улыбается.

– Тебе еще не пора?

До поезда уйма времени, но мама думает, что путешествие на поезде – это что-то вроде полета на международном авиарейсе, поэтому регистрироваться надо часа за четыре до отправления. Вообще-то, мы никогда не летали на самолете, но меня все равно удивляет, как это мама не заставила меня сходить сделать прививки.

– Выхожу через полчаса, – отвечаю я, затем наступает тишина.

Мама что-то бормочет, слова застревают у нее в горле, а это значит, что вот-вот прозвучит старая песня о том, как папа гордился бы мной, или что-то в этом роде, но она решила приберечь эту песню на потом, так что просто разворачивается и уходит. Я сажусь на чемодан и закрываю его, затем ложусь на кровать и осматриваю свою комнату в последний раз – такой момент, что если бы я курил, то непременно закурил бы.

Я не могу поверить, что это происходит со мной на самом деле. Вот она, независимая взрослая жизнь – то, что я чувствую сейчас. Разве сейчас не время для какого-нибудь ритуала? В определенных далеких африканских племенах затеяли бы по такому случаю невероятный

четырехдневный обряд инициации, включающий нанесение татуировок и употребление сильнодействующих галлюциногенных наркотиков, извлеченных из древесных лягушек, а старейшины деревни натерли бы мое тело кровью обезьян. Но здесь обряд инициации – это всего-навсего три пары новых трусов и упаковывание пухового одеяла в пакет для мусора.

Когда я спускаюсь вниз, то вижу, что мама собрала для меня вещи: два огромных короба, в которых поместилась большая часть нашей домашней утвари. Не сомневаюсь, что и сковородка для картошки тоже лежит там, искусно спрятанная под полным сервизом для ужина, а еще тостер, который я спер в «Эшворт электрикалз», чайник, брошюра «Восхитительные блюда с фаршем», а также хлебница с шестью сдобными булочками и батоном «майти уайт». Здесь есть даже терка для сыра, хотя мама прекрасно знает, что я не ем сыра.

– Мама, да мне все это барахло не утащить, – говорю я, так что символические и трогательные последние минуты моего детства потрачены на перебранку с матерью: «нет, мне не нужен венчик для взбивания яиц; да, там будет гриль, чтобы приготовить тосты; да, мне нужен магнитофон вместе с колонками», – и когда переговоры наконец завершены, остаются чемодан, рюкзак со стереосистемой и книгами, два баула с одеялом и подушками и, по настоянию мамы, бесчисленное количество кухонных полотенец.

Наконец пришло время уходить. Я очень настаиваю, чтобы мама не провожала меня до станции, потому что так мне кажется более эффектно и символично. Я стою на пороге, пока она роется в сумочке и торжественно вкладывает мне в руку десятифунтовую банкноту, сложенную в несколько раз, так что она напоминает маленький рубин.

– Мама...

– Бери-бери.

– Со мной все будет в порядке, не волнуйся.

– Давай иди. Позаботься о себе сам.

– Позабочусь...

– Постарайся как можно чаще есть свежие фрукты, хоть по чуть-чуть...

– Постараюсь...

– И... – Вот оно. Она сглатывает и говорит: – Ты же знаешь, твой папа гордился бы тобой, правда?

Я быстро целую маму в ее сухие сморщенные губы и короткими перебежками как можно быстрее бегу на станцию.

В поезде я надеваю наушники и слушаю специально записанную подборку абсолютных хитов Кейт Буш, моих любимых песен на все времена. Это довольно хороший сборник, но дома у нас нет настоящей хай-фай системы, поэтому посреди песни «The Man with the Child in His Eyes» можно услышать, как мама кричит с первого этажа, что котлеты готовы. Я с важным видом открываю новое издание «Королевы фей» Спенсера, которую мы будем проходить в первом семестре. Мне нравится думать, что я вполне хороший читатель, непредвзятый, открытый всему новому и все такое прочее, но этот опус кажется полным бредом, поэтому я убираю «Королеву фей», осилив всего восемнадцать строк, и вместо чтения концентрируюсь на Кейт Буш, глядя, как мимо меня проносится английская сельская местность, и на старании выглядеть задумчивым, сложным и интересным. У меня есть большое окно, четыре сиденья и столик, который полностью в моем распоряжении, банка кока-колы и упаковка «Твикс», и единственное, что могло бы сделать мою жизнь лучше, – это если бы привлекательная женщина вошла в вагон и села напротив меня и сказала что-нибудь вроде: «Извините, не могла не заметить, что вы читаете „Королеву фей“. Вы, случайно, не едете сейчас в университет изучать английскую литературу?» – «О да, конечно», – ответил бы я. «Это прекрасно! Не возражаете, если я присоединюсь к вам? Кстати, меня зовут Эмили. Скажите, а вы знакомы с творчеством Кейт Буш?»

И я веду такой утонченный, изысканный и остроумный разговор, и между нами такая почти осязаемая сексуальная наэлектризованность, что к тому времени, как мы подъезжаем к станции, Эмили наклоняется ко мне, наваливаясь на столик, и, жеманно покусывая пухлую нижнюю губу, говорит: «Послушай, Брайан, мы едва знакомы, и я еще не говорила раньше такого мужчинам, но, может, мы могли бы пойти... в отель или еще куда-нибудь? Просто дело в том, что я вряд ли смогу долго бороться с желанием...», и я молча соглашаюсь с усталой улыбкой, словно говоря: «Почему это происходит со мной каждый раз, как я сажусь в поезд?», беру ее за руку и веду в ближайший отель...

Подождите минуточку. Для начала, что мне делать с моим багажом? Не могу же я заявиться в отель с двумя черными баулами, правда? А ведь за отель нужно еще и платить. Деньги, заработанные летом, ушли на оплату жилья, а чек со стипендией должен прийти только на следующей неделе. Хотя на самом деле я еще ни разу не останавливался в гостинице, но знаю, что это будет недешево – сорок, может, пятьдесят фунтов, – и давайте посмотрим правде в лицо, все дело будет длиться минут десять, если повезет – пятнадцать максимум, и я не хочу, приближаясь к моменту экстатического сексуального кризиса, волноваться о том, сколько денег мне пришлось потратить. Полагаю, Эмили может предложить заплатить пополам, но мне придется отказаться, а то она подумает, что я дешевка. Но даже если она настаит, а я соглашусь, ей придется дать мне наличные в руки, и независимо от того, сделает ли она это до или после того, как мы позанимаемся любовью, это обязательно лишит нашу встречу определенной меланхолии и сладко-горькой страсти. Сочтет ли она меня за чудака, если я останусь в отеле, чтобы по максимуму воспользоваться удобствами номера? «Дорогая Эмили, наше соитие было прекрасным и необычайно пикантным. А теперь не поможешь ли запаковать полотенца в рюкзак?» И кстати, разве это хорошая идея – прыгать в постель с девушкой, с которой собираешься учиться? Что, если сексуальное напряжение между нами помешает учебе в университете? На самом деле, может, это и не очень хорошая идея? Может, мне нужно немного подождать, пока я не узнаю Эмили чуть получше, и только после этого вступать с ней в сексуальные отношения. И к тому времени, когда поезд подходит к станции, я чувствую огромное облегчение оттого, что Эмили – всего лишь плод моего воображения.

Я вытаскиваю свои баулы и чемодан на перрон, который расположен на холме над городом. Я здесь всего лишь второй раз после того, как ездил на собеседование. Да, это не Оксфорд и не Кембридж, но немногим хуже. Самое главное – здесь есть шпили. О таких я давно мечтал.

3

В о п р о с: Какой популярный роман, написанный Фрэнсис Элизой Бёрнетт³ в 1886 году, неоднократно поставленный на сцене, ввел среди молодых людей моду на длинные курчавые волосы и бархатные костюмы с кружевными воротниками?

О т в е т: «Маленький лорд Фаунтлерой».

Вот что я написал в разделе «Хобби и увлечения» своей анкеты для службы по размещению студентов в общежитиях университета: «Чтение, кино, музыка, театр, плавание, бадминтон, общение!» Понятно, что это не очень-то показательный перечень. На самом деле он и не совсем точный. Насчет чтения я не соврал, но ведь читают все. То же самое с кино и музыкой. Театр – полная ложь, театр я ненавижу. Конечно, я участвовал в школьных спектаклях, но по-настоящему просто никогда не ходил в театр, если не считать образовательной постановки о правилах дорожного движения, которая, хоть и была сыграна с блеском, живостью и своеобразием, не доставила мне глубокого эстетического удовольствия. Но приходится делать вид, что любишь театр, – это закон. С плаванием тоже не совсем верно. Плавать я могу, но примерно на таком же уровне, как будет плавать утопающее животное. Я просто подумал, что нужно написать что-нибудь эдакое спортивное. То же самое и с бадминтоном. Когда я говорю, что меня интересует бадминтон, на самом деле я имею в виду, что, если кто-нибудь приставит дуло к моему виску и заставит под угрозой смерти или пыток заняться каким-нибудь одним видом спорта и при этом откажется признать спортом скребл, тогда я выберу бадминтон. В конце концов, чего там сложного? Что касается общения – тоже эвфемизм. «Одинокий и сексуально неудовлетворенный» было бы более точным выражением, но это был бы полный отстой. Между прочим, восклицательный знак после слова «общение» предназначен для того, чтобы передать мой легкомысленный, безразличный и наплевательский взгляд на жизнь.

Пусть я и не дал в анкете достаточной информации, но все равно нет объяснения тому, почему меня решили поселить в этом доме с Джошем и Маркусом.

Ричмонд-Хаус представляет собой террасу из красного кирпича на вершине крутого холма высоко над городом, удобно расположившуюся в нескольких милях от ближайшей автобусной остановки, так что к тому времени, когда я туда добрался, моя спецовка вся промокла от пота. Входная дверь уже открыта, и холл завален коробками, гоночными велосипедами, двумя веслами, наколенниками, битой для крикета, лыжными аксессуарами, кислородными баллонами и костюмом аквалангиста. Вид такой, словно кто-то ограбил спортивный магазин. Я с шумом роняю свой чемодан сразу за дверь и с растущим чувством беспокойства карабкаюсь по куче спорттоваров в поисках моих новых соседей.

Кухня освещена лампой без абажура, имеет казенный вид и пахнет хлоркой и дрожжами.

У мойки два парня, один – огромный блондин, второй – темноволосый, коренастый, с мордочкой прыщавого грызуна, наполняют пустое мусорное ведро водой через резиновый шланг от душа. Мафон разрывается от песни «She Sells Sanctuary» группы «The Cult», и я некоторое время стою в проходе, бубня «привет!» и «здорово!», пока блондин наконец не оборачивается и не замечает меня с двумя черными баулами.

– Привет! А вот и мусорщик!

Он немного убавляет громкость, подсказывает ко мне, как дружелюбный лабрадор, и энергично пожимает мою руку, и я понимаю, что впервые здороваюсь за руку со своим сверстником.

³ Фрэнсис Элиза Бёрнетт (1849–1924) – американская писательница.

– Ты, должно быть, Брайан, – говорит он. – Меня зовут Джош, а это Маркус.

Маркус маленький и обсыпанный карбункулами, все его черты скомканы в центре лица, за огромными, как у летчика, очками, которые поразительно не справляются со своей задачей придать ему вид человека, способного управлять самолетом. Он осматривает меня с головы до ног своими крысиными глазками, шмыгает носом и вновь переключает все свое внимание на пластиковое ведро для мусора. Но Джош продолжает болтать, не ожидая ответа, голосом диктора киножурнала «Патэ». Как ты сюда добрался? На общественном транспорте? Где твои предки? Чувствуешь себя нормально? Ты весь уставший и потный. Джош одет в красные эльфийские сапоги с загнутыми носами, бежевый бархатный жилет – да, это бархатный жилет, – свободную пурпурную рубашку и черные джинсы, настолько узкие, что легко можно рассмотреть расположение каждого его яичка. У него прическа, как у Тони, – «женоподобный викинг», отличительный признак убежденного металлиста, но в данном случае дополненный едва пробившимися пушистыми усами: эдакий пижонский рыцарский вид, словно Джош только что отложил в сторону свою рапиру.

– Что в ведре? – интересуюсь я.

– Домашнее пиво. Мы так подумали, чем раньше начнется ферментация, тем лучше. Ты, конечно же, можешь к нам присоединиться, мы просто поделим цену на троих...

– Хорошо.

– Сейчас заплатишь десятку, за дрожжи, концентрат хмеля, трубочки, бочку и все такое, но через три недели будешь наслаждаться традиционным йоркширским горьким пивом по шесть пенсов за пинту!

– По рукам!

– Мы с Маркусом – опытные самогонщики, вели преступный бизнес еще в общежитии, даже нехило на этом заработали. Хотя и были всего-навсего парой местных парней, не живущих при школе.

– Так вы в школе вместе учились?

– Точно. Неразлейвода, правда, Маркус? – (Маркус фыркает.) – А ты в какой школе учился?

– Ну, вряд ли ты о ней слышал...

– Давай проверим.

– «Лэнгли-стрит».

Никакой реакции.

– Общеобразовательная школа на Лэнгли-стрит.

Никакой реакции.

– Саутенд? – подсказываю я. – Эссекс?

– Не-а! Ты абсолютно прав, никогда о ней не слышал. Хочешь, покажу твою комнату?

Я поднимаюсь вслед за Джошем по лестнице, Маркус, сторбившись, идет за нами вдоль по коридору, выкрашенному серой корабельной краской и украшенному инструкциями о действиях в случае пожара. Мы проходим мимо их комнат, где полно коробок и чемоданов, но по-прежнему много места, и в конце коридора Джош распахивает дверь в помещение, на первый взгляд похожее на тюремную камеру.

– Па-бам! Надеюсь, ты не будешь возражать, но мы распределили комнаты до твоего приезда.

– Ах да, все верно...

– Бросили жребий. Понимаешь, хотели начать разбирать вещи, потихоньку обустриваться.

– Конечно-конечно! – Я чувствую, что меня надули, и твердо решаю никогда больше не верить человеку в бархатном жилете. Сейчас передо мной стоит сложная задача: поставить себя, но не казаться при этом слишком наглым.

- Достаточно маленькая, не так ли? – говорю я.
- Да они все маленькие, Брайан. И мы бросали жребий, честно и справедливо.
- Как же вы бросали жребий за троих?

Тишина. Джош хмурится и безмолвно шевелит губами.

– Мы всегда можем кинуть новый жребий, если ты не веришь нам, – негодуяще фыркает Маркус.

– Нет, дело не в этом, просто...

– Отлично, тогда мы оставим тебя разбирать вещи. Рады видеть тебя на борту! – И они, перешептываясь, бегут обратно к своему домашнему пиву.

Мою нору точно не строили, а рыли. Комната обладает привлекательностью и аурой места, где было совершено убийство: одинокий матрас на металлической раме, соответствующий фанерный шкаф и стол, две маленькие полки из пластика под дерево. Ковры коричневые от грязи и словно сделаны из свалившихся лобковых волос. Грязное окно над столом выходит на мусорные бачки, а на стене висит предупреждение в рамочке, напоминающее о том, что приклеивание чего бы то ни было к стенкам пластилином карается смертью. Ну что ж, хотел мансарду, мансарду и получил. Полагаю, лучше начинать обустраиваться.

Первое, что делаю, это собираю свой музыкальный центр и ставлю «Never for Ever», триумфальный третий альбом Кейт Буш. Остальные записи сложены в стопку рядом с вертушкой, и я некоторое время веду спор с самим собой насчет того, какой альбом должен быть наверху, чтобы обложкой украшать комнату; я экспериментирую с битловским «Revolver», «Blue» Джони Митчелл, Дайаной Росс, «The Supremes» и Эллой Фицджералд, пока наконец не останавливаюсь на свежеприобретенной пластинке «Бранденбургского концерта» Баха под лейблом «Музыка для удовольствия» (прекрасная покупка всего за 2,49 фунта).

Затем я распаковываю свои книги и экспериментирую с различными способами их расстановки на пластиковых полках в алфавитном порядке по автору; в алфавитном порядке по автору, но с подразделением по теме; по жанру; стране; размеру; и наконец, наиболее эффективный способ, по цвету – черные книги из серии классики от издательства «Пингвин» на одном конце плавно выплывают до белых «пикадоров»⁴ на другом конце, а в середине спектра зеленеют два дюйма обложек от «Вилаго»⁵, до чтения которых я еще не созрел, но обязательно доберусь. Естественно, на это уходит некоторое время, и, когда я заканчиваю, уже темно, поэтому я прикручиваю лампу на шарнирной опоре к столу.

Затем я решаю превратить кровать в футон. Я уже давно хотел это сделать, но мама просто поднимала меня на смех, когда я пытался повернуть это дома, поэтому здесь я просто обязан воплотить свою мечту в жизнь. Я перетаскиваю матрас, покрытый пятнами неизвестного происхождения и достаточно влажный, чтобы на нем можно было выращивать салат, на пол, стараясь не касаться его лицом, затем не без труда ставлю металлическую раму на попу. Она весит целую тонну, но вскоре мне удастся благополучно запихнуть ее за шкаф. Очевидно, при этом я теряю несколько футов ценного пространства на полу, но окончательный эффект стоит того – такая себе минималистская, созерцательная азиатская атмосфера, которую немного нарушают темно-синие, красные и белые полосы пододеяльника из «Бритиш хоум сторз».

Держась в духе дзен-буддистского минимализма футона, я хочу ограничить украшения коллажем из открыток с любимыми картинами и фотографиями, как бы изобразительным манифестом героев и вещей, которые люблю, на стене над подушкой. Я ложусь на футон и достаю упаковку пластилина. «Смерть Чаттертона» Генри Уоллиса, «Офелия» Милле, «Мадонна с Младенцем» да Винчи, «Звездная ночь» Ван Гога, Эдвард Хоппер, Мерилин

⁴ Книги известного британского издательства «Пикадор».

⁵ Издательство «Вилаго» специализируется на издании женских романов.

Монро в пачке балерины, угрюмо глядящая в объектив фотоаппарата, Джеймс Дин в длинном пальто в Нью-Йорке; Дастин Хоффман в «Марафонце», Вуди Аллен, фотография папы с мамой, спящих в шезлонгах в парке Батлинз, Чарлз Диккенс, Карл Маркс, Че Гевара, Лоуренс Оливье в роли Гамлета, Сэмюэл Беккет, Антон Чехов, я в шестом классе в роли Иисуса в постановке «Евангелия», Джек Керуак, Бертон и Тейлор в фильме «Кто боится Вирджинии Вулф?» и фотография, запечатлевшая меня, Спенсера и Тони во время школьной экскурсии в дуврский замок. Спенсер слегка позирует – наклонил голову вниз и вбок, выглядит невозмутимым, скучающим и умным. Тони, как всегда, выбросил вверх растопыренные в виде буквы V пальцы.

Наконец прямо над подушкой я вешаю карточку папы, который выглядит щедро-худым и неясно опасным, как Пинки в фильме «Разборка в Брайтоне»⁶, только на набережной Саутенда, с бутылкой пива и тлеющей сигаретой в длинных пальцах одной руки. У него черная челка, высокие, острые скулы, длинный тонкий нос и сверхмодный костюм на трех пуговицах с узким воротником, и хотя на его лице полуулыбка, тем не менее он выглядит достаточно устрашающе. Снято году в 1962-м, за четыре года до моего рождения, так что папе здесь примерно столько же, сколько мне сейчас. Я обожаю эту фотографию, но меня не покидает ноющее ощущение, что если бы мой девятнадцатилетний отец встретил меня на пирсе Саутенда субботним вечером, то попытался бы меня поколотить.

В дверь стучат, и я инстинктивно прячу кнопки за спину. Полагаю, это Джош, пришел просить попахать немного на него или что-то в этом роде, но вместо этого в комнату входит огромная блондинка с прической викинга и молочно-белыми усами.

– Как у тебя дела? Все в порядке? – спрашивает переодетый в женское платье Джош.

– Хорошо, хорошо.

– А почему матрас на полу?

– Это самое... Я так подумал, что неплохо будет на время переделать его в футон.

– Футон? Правда? – говорит Джош, сморщив свою напояженную губу, словно ни о чем более экзотическом он в жизни не слышал, а это дорогого стоит, особенно в исполнении мужчины, переодетого в женщину. – Маркус, иди сюда и посмотри на футон Джексона!

И Маркус, в черном кудрявом нейлоновом парике, плиссированной юбке и чулках со спущенными петлями, сует свой нос в комнату, фыркает, затем исчезает.

– Ну ладно, мы пошли – ты с нами или как?

– Извини, не понял, вы куда?

– Вечеринка «Викарии и шлюхи», Кенвуд-Манор. Должно быть весело.

– Ах да, хорошо, может быть. Я просто подумал, что, может, останусь и почитаю...

– Ладно тебе, не будь таким мямлей...

– Но мне надеть нечего...

– У тебя ведь есть черная рубаха, правда?

– Угу.

– Отлично, тогда в ней и иди. Засунь кусок белого картона под воротник, и сойдет. Увидимся через пять минут. Да, и не забудь десятку за домашнее пиво, ага? Кстати, я тащусь от того, что ты сделал со своей комнатой...

⁶ Пинки – юный гангстер, которого в фильме 1947 г. сыграл Ричард Аттенборо.

4

В о п р о с: Энергия взаимодействия между двумя протонами связана с расстоянием между ними. Какие силы возникают между протонами, когда расстояние между ними соответственно: а) малое и б) среднее?

О т в е т: Отталкивания и притяжения.

Будучи человеком, умудренным жизненным опытом, я знаю истинную цену выражению «набить желудок» перед выходом в свет, поэтому на ужин покупаю себе пачку чипсов и потрепанную сосиску и ем их по пути на вечеринку. С неба льет монотонный дождик, но я успеваю съесть большую часть чипсов до того, как они становятся слишком холодными и мокрыми. Маркус и Джош самоуверенно шагают на высоких каблуках впереди, явно безразличные к недружелюбным взглядам прохожих. Думаю, эти переодетые мальчишки-мажоры должны быть одной из неизменных загадок жизни в университетском городке. Потому что скоро будет Неделя розыгрышей⁷, листья станут бронзовыми, ласточки улетят на юг и в университете будет полно студентов-медиков, наряженных сексуальными медсестрами.

По пути Джош бомбардирует меня вопросами.

– Что учишь, Брайан?

– Английский.

– Стихи, а? Я учу политику и экономику, Маркус – право. Занимаешься каким-нибудь спортом, Брайан?

– Только скреблом, – острою я.

– Скребл – не спорт, – гундосит Маркус.

– Но вы не видели, как я играю в него! – с быстротой молнии отвечаю я.

Но Маркус, похоже, не находит это смешным, потому что он только хмурится и говорит:

– Неважно, как ты в него играешь, просто это не спорт.

– Нет, я не знаю, я просто хотел...

– Ты играешь в футбол, крикет или регби? – спрашивает Джош.

– Нет, честно говоря, ни во что из этого...

– Так ты не спортсмен?

– Совсем не спортсмен. – Меня не покидает ощущение, что идет набор в какой-то неназванный частный клуб и я не прохожу.

– А как насчет сквоша? Мне нужен партнер.

– Сквош – нет. Иногда в бадминтон...

– Бадминтон – девчачья игра, – комментирует Маркус, поправляя резинки на подвязке.

– Путешествовал после школы? – спрашивает Джош.

– Нет, сразу поступил...⁸

– Ездил летом в какое-нибудь крутое место?

– Нет.

– Чем занимаются твои родители?

– Ну, мама сидит за кассой в «Вулворте». Папа продавал стеклопакеты, только он уже умер.

Джош сжимает мою руку и говорит: «Мои соболезнования», но не вполне ясно, что он имеет в виду: папину смерть или мамину работу.

⁷ Неделя, во время которой студенты собирают деньги для благотворительности и своих целей. При этом они, как правило, наряжаются в маскарадные костюмы, разыгрывают прохожих и пытаются продать им изданный собственными силами журнал, обычно сатирический.

⁸ Некоторые выпускники английских школ год после окончания школы проводят в путешествиях, как правило за границей.

– А твои что делают?

– Папа в МИДе, мама – в департаменте транспорта.

О господи, он же тори! Или, по крайней мере, я полагаю, что Джош тори, раз его родители тори; яблоко от яблони, как говорится... Что касается Маркуса, я не удивлюсь, если окажется, что он член «гитлерюгенда».

Наконец мы приходим в Кенвуд-Манор. Я не пошел смотреть жилые помещения, как мне и советовали, когда приезжал в университет на день открытых дверей, потому что они скучные, казенные и забитые христианами. Реальность оказывается чем-то средним между сумасшедшим домом и начальной школой – длинные гулкие коридоры, паркетные полы, запах влажного нижнего белья, сохнувшего на едва теплых батареях, и ощущение того, что где-то в туалете происходит нечто ужасное.

Отдаленное уханье басов группы «Dexys Midnight Runners» приводит нас по коридору в большую комнату с высокими окнами, обшитую деревянными панелями, населенную малочисленными студентами – примерно семь частей Шлюх на три части Викариев, причем среди Шлюх мужчин и женщин примерно пятьдесят на пятьдесят. Вид не очень впечатляет. Крепко сбитые юноши и немало девушек в специально порванных колготках и лифчиках, набитых спортивными носками, стоят у стенки прямо как... шлюхи, а с портретов на них в отчаянии смотрят аристократического вида проректоры времен королей Эдуардов.

– Кстати, Брай, ты, случайно, не забыл ту десятку на домашнее пиво? – нахмурясь, спрашивает Джош.

Мне это, конечно, не по карману, и это та самая десятка, которую мама сунула мне в руку перед отъездом, но, желая закрепить новую дружбу, я отдаю деньги, и Джош с Маркусом уносятся прочь, как собаки на пляже, предоставив мне возможность завязать еще несколько подобных знакомств, которые продлятся всю мою жизнь. Я решаю, что, вообще говоря, на этом раннем этапе вечера лучше прикидываться викарием, а не шлюхой.

По дороге к импровизированному бару – складной стол, за которым продают «Ред страйп»⁹ по вполне разумной цене 50 пенсов за банку, – я надеваю на лицо выражение «поговорите со мной, пожалуйста»: глуповатую ухмылку, которую сопровождают робкие кивки и полные надежды взгляды. В очереди за выпивкой стоит долговязый хиппи с такой же ухмылкой деревенского дурачка и, что замечательно, даже худшим цветом лица. Он обводит комнату взглядом и с сильным бирмингемским акцентом выдает:

– По-о-о-о-олный дурдом, правда?

– Сумасшествие! – соглашаюсь я, и мы оба закатываем глаза, словно говоря «Тихо, здесь дети!».

Его зовут Крис, и вскоре выясняется, что он тоже изучает английскую литературу.

– Синхроничность! – восклицает Крис, затем излагает весь усвоенный им курс средней школы, точное содержание своей анкеты, направленной в приемную комиссию, сюжет всех книг, которые он прочел за свою жизнь, пока наконец не подходит к описанию летнего путешествия по Индии в реальном режиме времени, и я провожу вместе с ним дни и ночи, кивая, выпивая три банки «Ред страйпа» и гадая, действительно ли его кожа хуже моей, когда вдруг понимаю, что он говорит...

– И знаешь что? За все это время я ни разу не пользовался туалетной бумагой.

– Правда?

– Ага. И не думаю, что буду еще когда-нибудь ею пользоваться. Так намного свежее и экологичнее.

– Так что ты...

⁹ Дешевое пиво.

– Всего лишь рука и ведро воды. Вот эта рука! – И он сует ее мне прямо под нос. – Поверь мне, это куда более гигиенично.

– Но мне показалось, ты сказал, что постоянно подхватывал дизентерию?

– Ну да, но это другое. Все болеют дизентерией.

Я решаю не углубляться в эту тему и говорю:

– Отлично! Классно ты придумал...

И мы снова в пути, на простых деревянных скамейках едем на раздолбанном автобусе из Хайдарабада в Бангалор, пока наконец где-то посреди холмов Эррамалы «Ред страйп» не делает свое дело, и я с радостью понимаю, что мой мочевого пузырь полон и как ни жаль, но мне придется отойти в туалет: «Не уходи, я сейчас вернусь, оставайся здесь, где сидишь». И когда я уже поворачиваюсь, он хватает меня за плечо, сует левую руку мне в нос и пророчески изрекает: «И не забудь! Туалетная бумага не нужна!» Я улыбаюсь и быстро ухожу прочь.

Когда я возвращаюсь, то с облегчением понимаю, что он на самом деле исчез, поэтому я подхожу к краю деревянной сцены и оказываюсь рядом с маленькой изящной девушкой, одетой не викарием или шлюхой, а членом молодежного крыла КГБ: тяжелое черное пальто, черные колготки, короткая джинсовая юбка и черная кепка советского стиля, сдвинутая на затылок, чтобы было видно маслянистую черную челку. Я улыбаюсь ей, словно говоря «не возражаешь, если я присяду?», и она отвечает улыбкой «возражаю, вали отсюда»: краткий легкий спазм, за которым мелькает вспышка крошечных белых зубов (все одинакового размера) за неуместным пятном малиновой помады. Мне, конечно же, нужно просто уйти, но пиво сделало меня бесстрашным и чересчур дружелюбным, поэтому я все равно сажусь рядом с ней. Даже булькающие басы «Two Tribes» не могут заглушить стук ее отпавшей челюсти.

Через некоторое время я поворачиваюсь и смотрю на нее. Она курит самокрутку нервными короткими затяжками, сосредоточенно глядя на танцпол. У меня выбор из двух вариантов: заговорить или уйти. Может, я попытаюсь заговорить.

– По иронии судьбы я на самом деле викарий.

Нет ответа.

– Я не видел столько проституток с тех пор, как отметил свой шестнадцатый день рождения!

Нет ответа. Может, она просто не слышит меня. Я предлагаю ей отхлебнуть «Ред страйпа» из моей банки.

– Ты слишком добр. Однако я вынуждена отказаться, спасибо большое. – И она поднимает стоявшую рядом с ней банку и покачивает ею, чтобы показать мне. Ее голос точно соответствует ее лицу: грубый и резкий. Она из Шотландии, думаю, из Глазго.

– Итак! Ты пришла в качестве кого? – весело говорю я, кивая на ее наряд.

– Я пришла в качестве нормального человека, – не улыбаясь, отвечает она.

– Могла бы, по крайней мере, попытаться! Надела бы ошейник¹⁰ или еще что-нибудь!

– Возможно. Только я еврейка. – Она делает глоток пива из своей банки. – Ты будешь смеяться, но наряжаться в карнавальные костюмы у евреев почему-то не принято.

– Знаешь, я иногда жалею, что я не еврей.

Понимаю, что это слишком смело для словесного гамбита, и я не вполне уверен, почему сказал это; отчасти потому, что считаю очень важным разделять прогрессивные взгляды по вопросам расы, пола и личности, а также потому, что к этому времени уже порядочно поднабрался.

Она сужает глаза и смотрит на меня какую-то секунду – так смотрят итальянские актеры, играющие ковбоев в европейских вестернах, – всасывается в свою самокрутку, решая, обидеться или нет, затем спокойно спрашивает:

¹⁰ Так шутливо называют белый пасторский воротник с застежкой сзади.

– Это правда?

– Извини, я не хочу показаться расистом, просто я хочу сказать, что многие из моих героев – евреи, так что...

– Что ж, рада, что мой народ получил твое одобрение. И кто же эти герои?

– Ну, знаешь, Эйнштейн, Фрейд, Маркс...

– Карл или Граучо?

– Оба. Артур Миллер, Ленни Брюс, Вуди Аллен, Дастин Хоффман, Филип Рот...

– Иисус, конечно же...

– ...Стенли Кубрик, Фрейд, Сэлинджер...

– Конечно, только, строго говоря, Сэлинджер не еврей.

– Нет, еврей.

– Поверь мне, нет.

– Ты точно знаешь?

– Да. У нас на это чутье.

– Но у него еврейская фамилия!

– Его отец был евреем, а мать – католичкой, поэтому формально он не является евреем.

У евреев национальность передается по материнской линии.

– Я этого не знал.

– Вот ты и приехал сюда, в университет, и уже начал учиться. – И она снова переводит сердитый взгляд на танцпол, который забит Шлюхами, хромающими под музыку. Это довольно удручающее зрелище, словно новый, только что открытый круг ада, и девушка смотрит на это с понимающим презрением, словно ожидая, когда взорвется заложенная ею мина. – Господи Иисусе, да ты посмотри на эту компашку, – протягивает она устало, а «Two Tribes» тем временем плавно перетекает в «Relax».

Решив, что цинизм, вызванный усталостью от жизни, – верный путь к успеху в этой среде, я убеждаюсь в том, что мой смешок по этому поводу был хорошо слышен, и девушка с улыбкой поворачивается ко мне:

– Знаешь, в чем заключается величайшее достижение английских школ-пансионов? Поколения патлатых мальчишек, которые знают, как надевать пояс с подвязками. Что удивительного в том, что многие из вас приезжают в университет с женской одеждой в чемодане?

Многие из вас?

– На самом деле я ходил в общеобразовательную школу, – уточняю я.

– Что ж, рада за тебя. Знаешь, ты уже шестой человек за вечер, который говорит мне это. Это что, какая-то странная левацкая манера начинать разговор? Что меня должно поразить? Наша система образования? Или твои героические академические успехи?

Если я и могу определить что-то наверняка, так это тот момент, когда меня уделали, поэтому поднимаю свою баночку с пивом, на три четверти полную, и трясу ею, словно она пустая.

– Я собираюсь сходить в бар. Могу купить что-нибудь и тебе, э-э-э...

– Ребекка.

– ...Ребекка?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Ладно, увидимся еще. Кстати, меня зовут Брайан.

– До свидания, Брайан.

– Пока, Ребекка.

Я уже собираюсь пойти в бар, когда замечаю засевшего в засаде Криса-Хиппи, погрузившего руку по локоть в огромную пачку чипсов, поэтому я решаю немного пройтись и покидаю зал.

Я брожу по коридорам, обшитым деревянными панелями, где последняя группа новых студентов прощается со своими родителями под «Legend» Боба Марли. Одна девчонка рыдает в объятиях своей рыдающей матери, а чопорный папа нетерпеливо переминается с ноги на ногу рядом, зажав в руке небольшую пачку банкнот. Долговязый смущенный гот, одетый во все черное, с выдающейся скобкой на зубах, чуть ли не силой выпихивает своих родителей из комнаты, чтобы заняться серьезным делом: дать людям понять, насколько темная и сложная личность скрывается под всем этим металлом и пластиком. Другие вновь прибывшие знакомятся с ближайшими соседями, выдавая свои краткие биографии: предмет, место рождения, оценки на экзаменах, любимая группа, самые сильные душевные травмы, полученные в детстве. Эдакая вежливая, специально для среднего класса, версия сцены из фильмов про войну, где новобранцы прибывают в казармы и показывают друг другу фотографии девушек, которые ждут их дома.

Я останавливаюсь у доски объявлений, отхлебываю пиво и лениво просматриваю объявления – продается барабанная установка, призыв бойкотировать «Барклайз», просроченное объявление о собрании Революционной коммунистической партии в поддержку шахтеров, прослушивания на «Пиратов Пензанса»¹¹, клубная афиша: «Членовредители» и «Мозолистые пятки» играют в следующий вторник в клубах «Лягушка» и «Фрегат».

И только сейчас я замечаю его.

На доске объявлений висит ярко-красный плакат формата А4, сделанный на ксероксе:

**Начальный вопрос
ценой десять баллов
для тебя!**

Не путаешь Софокла и Сократа?
Тулуз-Лотрека с Тулузой и Лотарингией?
Carpe diem и *habeas corpus*?

Думаешь, у тебя есть то,
что может сделать тебя великим?
Почему бы тебе не попробовать свои силы
в «Университетском вызове»?
Отбор в команду проводится
путем короткого (и веселого!)
письменного теста.

Пятница, обед, 13:00.
Студенческий клуб, аудитория № 6.
Необходима воля к победе.
Лентяям и любителям пройти на авось
просьба не беспокоиться.

Требуются лишь лучшие умы.

Вот и оно. Наконец-то. «Вызов».

¹¹ Комическая опера английского композитора Артура С. Салливена по либретто Уильяма Гилберта, 1880 г.

5

В о п р о с: Какой чернокожий американский эстрадный артист, провозгласивший себя самым трудолюбивым человеком в шоу-бизнесе и являющийся пионером стиля фанк, известен прежде всего как крестный отец соула?

О т в е т: Джеймс Браун.

Большие всего меня поражали их волосы: огромные, невероятные волны ломких волос, похожие на засохшую пшеницу; ниспадающие занавесы шелковистых челок; пышные бакенбарды, как в костюмированной драме для воскресного вечера. Папа мог побелеть от ярости, увидев любую прическу, кроме как «покороче затылок и виски», в передаче «Лучшие песни года», но если человек выступал в «Университетском вызове», он заслуживал право на любую чертову прическу, которую только хотел. Создавалось впечатление, что они ничего не могут с этим поделать, словно через их сумасшедшие прически выплескивалась их невероятная, неконтролируемая умственная энергия. Подобно сумасшедшему ученому, нельзя быть настолько умным и при этом иметь волосы, поддающиеся укладке, или нормальное зрение, или способность умываться и одеваться самостоятельно.

А еще одежды: загадочная староанглийская традиция сочетания алых мантий с нарочито эксцентричными галстуками расцветки клавиш пианино, бесконечными шарфами ручной вязки и афганскими жилетами. Конечно же, ребенку, который смотрит телек, все кажется старыми, и уже сейчас я понимаю, что они должны были быть молодыми – формально, если считать прожитые годы, – но если им на самом деле и было по двадцать, то выглядели они на все шестьдесят два. Естественно, в их лицах не было ничего, напоминавшего о юности, или задоре, или добром здравии. Напротив, они были уставшими, одутловатыми, измученными заботами, словно боролись с весом всей этой информации: период полураспада трития, происхождение термина «серый кардинал», первые двадцать совершенных чисел, строфа сонетов Петрарки – все это давалось ценой невероятного физического напряжения.

Конечно же, мы с папой редко давали правильные ответы, но дело было даже не в этом. Это была не ерунда – это было ощущение самодовольства и благодущия, когда ты что-то знаешь, и в то же время ощущение робости перед всей той огромной вселенной вещью, о которых ты и понятия не имеешь. Дело было в том, что на участников передачи следовало смотреть с благоговением, потому что нам с папой казалось, что эти странные существа на самом деле знают все. Задай им любой вопрос: сколько весит Солнце? почему мы здесь? бесконечна ли Вселенная? в чем секрет настоящего счастья? – и если даже они и не дадут мгновенного ответа, они, по крайней мере, посоветуются, о чем-то тихо и неразборчиво перешептываясь друг с другом, а затем выдадут ответ, который, даже если не совсем верен, все равно звучит как вполне хорошее предположение.

И неважно, что участники викторины были абсолютно неприспособленными к жизни, или немного прыщавыми и неопрятными, или старыми девами, а иногда и просто откровенно странными; важным было то, что где-то было место, где люди на самом деле знали все эти вещи, и им нравилось это знание, и они любовно лелеяли свои знания, считали их важными и нужными, и в один прекрасный день отец сказал, что стоит мне усердно, усердно поработать, и однажды я смогу попасть туда...

– Прикидываешь свои шансы? – звучит сзади девичий голос.

Я оборачиваюсь и вижу, что обладательница голоса настолько красива, что я чуть не роняю свою банку пива...

– Прикидываешь свои шансы?

Не думаю, чтобы стоял когда-нибудь рядом с чем-либо настолько прекрасным. Конечно же, красота присутствует в книгах, или, например, в картинах, или в пейзаже, вроде экскурсионной поездки на остров Пурбек в рамках курса географии, но до сих пор я не припомню, чтобы встречался с настоящей красотой, которой обладает живое, теплое, мягкое человеческое существо, которое даже можно потрогать – по крайней мере, теоретически. Она настолько совершенна, что я буквально вздрагиваю, когда вижу ее. Мышцы груди сводит судорогой, и мне приходится напомнить себе о необходимости дышать. Да, я знаю, это звучит как огромное преувеличение, но она на самом деле похожа на молодую светловолосую Кейт Буш.

– Прикидываешь свои шансы? – спрашивает она меня.

– Ммм? – парирую я, как заправский фехтовальщик.

– Думаешь, это для тебя? – спрашивает она, кивая в сторону объявления.

Быстро выдай что-нибудь остроумное.

– Пфхм, – саркастически усмехаюсь я, и она сочувственно улыбается мне, как добрая молодая медсестра улыбнулась бы, глядя на человека-слона.

– Тогда увидимся завтра, – говорит она и уходит прочь.

Она одета в причудливое, но в то же время достаточно сдержанное платье, которое выдает уверенность его владелицы в себе, вкус и чувство юмора. Она выбрала наряд Французской Шлюхи: черно-белый полосатый топ в обтяжку, широкий черный эластичный пояс балерины, черная юбка-карандаш с разрезом и колготки в сеточку. Или это чулки? Чулки или колготки, чулки или колготки, чулки или колготки...

Я следую за ней по коридору на приличном расстоянии, чтобы не вызвать ее тревоги, наблюдая за ее покачивающейся походкой – совсем как у Мэрилин Монро, когда она выходит из клубов пара в фильме «В джазе только девушки»... Чулки или колготки, чулки или колготки... Когда она проходит мимо спален, из каждой двери высовывается чья-нибудь голова и говорит «привет», «здорово», «как дела», «прекрасно выглядишь», но ведь она пробыла здесь всего восемь часов, ну максимум день, так как же это вышло, что она знакома, похоже, со всеми?

Затем она возвращается на вечеринку, проходит сквозь толпу ахающих Викариев и направляется к небольшому скоплению девчонок, которые стоят с краю танцплощадки, – знаете, такие крутые, все из себя модные девчонки, которые всегда видят друг друга издали и тусуются вместе. Диджей крутит «Tainted Love», и атмосфера в комнате кажется сгустившейся, более сексуально-хищнической и упаднической. Конечно, это не совсем Берлин времен Веймарской республики, а скорее постановка «Кабаре» силами выпускников колледжа Восточного Суссекса. Я стою в тени и веду наблюдение. Я собираюсь показать свое остроумие, все, на что я способен, а для этого мне нужно еще немного пива. Я иду и покупаю шестую банку. Или седьмую? Не уверен. Не важно.

Я спешу обратно (а вдруг она ушла?), но она на месте, стоит у танцпола с четырьмя девчонками, смеется и шутит так, словно знает их всю жизнь, а не весь вечер. Я изображаю на своем лице нечто вроде легкой скуки и совершаю несколько вылазок, с индифферентным видом проходя мимо незнакомки в надежде, что она посмотрит на меня, схватит за локоть и скажет: «Расскажи мне все о себе, очаровательное создание». Она этого не делает, поэтому я решаю пройти мимо нее еще разок. Я повторяю это раз четырнадцать-пятнадцать, но она не замечает меня, поэтому я решаю использовать более прямолинейную тактику. Я подхожу к ней и становлюсь у нее за спиной.

Я выстаиваю у нее за спиной весь бесконечный расширенный микс «Blue Monday» группы «New Order». Наконец одна из новых подруг незнакомки, девушка с треугольным

лицом, тонкими губами, кошачьими глазами и обесцвеченным ежиком волос, перехватывает мой взгляд и инстинктивно хватается за свою сумочку, словно решила, что я здесь для того, чтобы украсть чей-нибудь кошелек. Поэтому я успокаивающе улыбаюсь, и она начинает сумасшедшим взглядом осматривать своих подруг и, похоже, издает какой-то ультразвуковой сигнал, потому что вся группа наконец оборачивается и смотрит на меня, и белокурая Кейт Буш вдруг оказывается прямо передо мной – ее прекрасное лицо всего лишь в паре дюймов от моего. На этот раз я готов продемонстрировать свое остроумие, поэтому заявляю не в бровь, а в глаз: «Привет!»

Это интригует ее меньше, чем я надеялся, потому что она просто бросает в ответ: «Приветик» – и начинает поворачиваться ко мне спиной.

– Мы встречались... Только что... В коридоре... – мямлю я.

Ее лицо остается безучастным. Несмотря на объем выпитой жидкости, во рту у меня все стало вязким и клейким, словно слюна загустела от овсянки, но я облизываю губы и говорю:

– Помнишь, ты спросила меня, прикидываю ли я свои шансы? В «Университетском вызове»?

– Ах да, – отвечает она и поворачивается снова, но ее подружки разошлись, почувствовав промелькнувшую между нами искру, и мы наконец-то остались одни, как предначертано судьбой.

– По иронии судьбы я на самом деле викарий! – говорю я.

– Извини, не расслышала. – Она наклоняется поближе ко мне, и я пользуюсь возможностью приставить руку к ее уху и погладить ее прекрасную голову.

– Я на самом деле викарий! – кричу я.

– Ты?

– Кто?

– Викарий?

– Нет, я не викарий.

– Мне показалось или ты только что сказал, что ты викарий?

– Нет, не викарий...

– Что же ты тогда сказал?

– Ну да, то есть да, я сказал, что я викарий, да, но я просто... просто пошутил!

– Ой, извини, я не понимаю...

– Кстати, меня зовут Брайан. – Без паники...

– Привет, Брайан. – И она снова начинает оборачиваться, чтобы высмотреть в толпе своих подружек. Не останавливайся, не останавливайся...

– А что? Разве я не похож на викария? – интересуюсь я.

– Не знаю. Может, самую малость...

– Опа! Отлично! Ну, спасибо! Спасибо огромное. – Теперь я пускаю в ход ложное негодование: скрещиваю руки на груди и, пытаюсь заставить незнакомку рассмеяться, перехожу к остроумному, беззаботному, добродушному подшучиванию: – Викарий, да! Спасибо тебе большое! В таком случае ты выглядишь как... э... как настоящая... настоящая шлюха!

– Извини – кто?

Должно быть, она меня не расслышала, потому что не смеется, так что я повышаю голос:

– ШЛЮХА! Ты выглядишь как проститутка! Шикарная проститутка, кстати...

Она улыбается мне такой, знаете ли, робкой, едва различимой улыбкой, напоминающей презрительную, и говорит:

– Извини меня, Гэри, но мне срочно нужно в туалет...

– Хорошо! Увидимся!

Но она уже ушла, оставив меня наедине со смутным чувством, что все могло пройти получше. Может, она обиделась, хотя я ведь произнес все явно веселым тоном. Но откуда ей

знать, что это мой веселый голос, если она не привыкла к моему обычному голосу? Может быть, она сейчас думает, что у меня смешной голос? И кто такой Гэри, черт его побери?! Я стою и провожаю ее взглядом до туалета, но она доходит только до другой стороны танцпола, где останавливается, что-то шепчет другой девушке на ухо, и они обе смеются. Так ей и в туалет вовсе не нужно было. Туалет был всего лишь уловкой.

Затем она начинает танцевать. Играет песня «Love Cats» группы «The Cure», и девушка, остроумно и язвительно интерпретировав текст песни, действительно танцует, как кошка, скачущая, гордая и гибкая, время от времени выбрасывая руку над головой, совсем как кошачий хвост. Никто в мире не умеет танцевать лучше ее! Теперь она подносит руки к подбородку, словно это кошачьи лапы, и превращается в эпонимическую влюбленную кошку, и она так восхитительно, восхитительно, восхитительно, восхитительно красива. Тут меня осеняет, и я задумываю нечто прекрасное в своей простоте: настолько гениальный и надежный способ покорить ее, что поражаюсь, как я раньше до этого не додумался.

Танец! Я смогу ее обаять посредством современного танца.

На смену «The Cure» приходит новая песня, «Sex Machine» Джеймса Брауна – это как раз по мне, потому что я действительно чувствую необыкновенный подъем духа, словно стал настоящей секс-машиной, раз уж мы об этом заговорили. Я аккуратно ставлю банку «Ред страйпа» на пол, где ее немедленно опрокидывают, но я не волнуюсь – черт с ней. Там, куда я направился, она мне не понадобится. На краю танцпола я начинаю разогреваться, сначала немного робко, но я рад, что на мне башмаки, а не кроссовки, потому что плоские подошвы начинают приятно скользить по паркетному полу, отчего у меня возникает прикольное ощущение гибкости. Постепенно, сначала осмотрительно, словно я очутился на катке, цепляясь за стены, я осторожно пробираюсь к самому танцполу и «даю-даю» «вперед-вперед»¹² поближе к ней.

Она снова среди подружек: танцует в группке из пяти девчонок, плотно сбитой, как будто пальцы в сжатом кулаке, – в такой неприступный боевой порядок выстраивалась римская пехота для отражения атак варваров. Девушка с глазами кошки первой замечает меня, тут же издает пронзительный предупредительный сигнал, и моя белокурая Кейт Буш разбивает строй, оборачивается и смотрит на меня, заглядывает мне в глаза, и я начинаю свое выступление: позволяю музыке полностью овладеть собой и танцую, как еще никогда в жизни не танцевал.

Я танцую так, словно от этого зависит моя жизнь, соблазнительно покусывая нижнюю губу (это и эротичный жест, и в то же время он помогает сконцентрироваться), и смотрю ей прямо в глаза, вынуждая, просто вынуждая ее отвести взгляд в сторону. Что она и делает. Тогда я произвожу обходной маневр, снова оказываюсь в поле ее зрения и даю полный вперед. Я танцую так, будто на мне Красные Башмачки, а потом меня озаряет, что я, видимо, прав, видимо, это все из-за тех трусов, которые подарила мне мама, Красные Трусы, но, как бы там ни было, я танцую, как Джеймс Браун, я король фанка и соула, и у меня есть новая сумка¹³, я самый работающий человек в шоу-бизнесе, я машина, созданная специально для секса. Я скольжу и верчусь на 360 и 720 градусов, а один раз – даже на 810 градусов, после чего теряю ориентацию и смотрю не в ту сторону, но Джеймс Браун выручает меня: говорит «пошли к мосту», и я следую его совету, направляюсь к мосту, где бы он ни был, и по пути к мосту моя рука нащупывает картонный воротник на шее и срывает его – эдакий жест благочестивого презрения к организованной религии, затем я швыряю этот белый ошейник на пол, в середину группки людей, которые окружили меня и хлопают в ладоши, смеются и указывают на меня пальцами в благоговении и восхищении, глядя, как я кружусь, выгибаюсь и касаюсь пола, а мой кардиган развевается за спиной. Мои очки немного запотели, поэтому я не различаю лица Кейт Буш в

¹² Слова из песни «Sex Machine».

¹³ Намек на песню Джеймса Брауна «Papa's Got a Brand New Bag».

толпе, лишь мельком выхватываю силуэт этой темноволосой девушки-еврейки, Ребекки Как-Бишь-Ее, но уже слишком поздно останавливаться, потому что Джеймс Браун просит меня потрясти моим дельцом, потрясти моим дельцом, и мне приходится на секунду задуматься, потому что я не уверен, какую именно часть моего тела можно назвать моим дельцом. Голову?

Нет! Конечно же, это моя задница, и я трясую ею, насколько хватает сил, окропляя толпу вокруг своим потом, как мокрая собака, и тут вдруг звучит финальный аккорд, песня заканчивается, и я

вы-
дох-
ся.

Я ищу ее лицо среди подбадривающих меня зрителей, но ее там нет. Не важно. Главное – это произвести впечатление. Наши пути еще пересекутся, завтра, в час пополудни, на отборочных тестах «Вызова».

Начинается шуточный медляк «Careless Whisper», но все либо слишком круты, либо слишком пьяны, чтобы танцевать, поэтому я решаю, что мне пора спать. Проходя по коридору, я по пути захожу в туалет и вытираю тягучий, как сироп, пот со своих очков краем кардигана, чтобы получше рассмотреть свое отражение в зеркале над писсуарами. Моя рубашка прилипла к телу и расстегнута до пупа, волосы всклокочены надо лбом, а вся кровь прилила к лицу, особенно к прыщам, но в общем и целом я выгляжу неплохо. Все вокруг крутится, поэтому я прижимаюсь лбом к зеркалу, чтобы не свалиться, пока буду отливать. Из одной кабинки доносится запах марихуаны и два приглушенных хихикающих голоса. Потом шумит сливающаяся вода, из кабинки выходят две Шлюхи – девушка с раскрасневшимся лицом, которая на ходу поправляет свою плиссированную юбку, и широкоплечий регбист. У обоих по всему лицу размазана помада. Они вызывающе смотрят на меня, подбивая сказать что-нибудь осуждающее, но я слишком опьянен эйфорией, страстью и любовью к чистой, веселой, беспечной юности, так что криво улыбаюсь в ответ:

- По иронии судьбы я на самом деле викарий!
- Ну тогда пошел на хрен, – отвечает Шлюха-регбист.

6

В о п р о с: Закончите фразу из IX книги поэмы «Прелюдия» Вордсворта:
«В рассвета время просто жить – уже за благо...»
О т в е т: «...а молодым быть – счастье неземное».

Если говорить о новых рассветах, этот рассвет до боли напоминает старый.

Это даже не рассвет, поскольку на часах 10:26. Я думал, что проснусь в свой первый день в университете полным здоровья, мудрости и академического задора, но вместо этого – все как обычно: стыд, ненависть к самому себе, тошнота и смутное чувство, что просыпаться не всегда нужно именно так.

Еще меня переполняет чувство негодования оттого, что, пока я спал, кто-то явно вошел в мою комнату, набил мне рот войлоком и на прощание лягнул меня ногой. Движения даются с трудом, поэтому некоторое время я лежу и считаю, сколько ночей подряд я приходил домой под мухой; получается что-то около ста трех. Могло быть и больше, если бы не последнее обострение тонзиллита. Я задумываюсь, а не алкоголик ли я. Время от времени на меня это находит – необходимость определить себя тем или иным термином, и в различные моменты жизни я раздумывал над тем, а не гот ли я или гомосексуалист, еврей, католик, больной маниакально-депрессивным синдромом, был ли я усыновлен, есть ли у меня дырка в сердце, не обладаю ли я способностью передвигать предметы силой мысли, – и неизменно с глубоким сожалением приходил к выводу, что ко мне не подходит ничего из перечисленного выше. Факт в том, что на самом деле меня нельзя назвать никем. Я даже не «сирота» в буквальном смысле этого слова, но «алкоголик» звучит наиболее достоверно. Как еще можно назвать человека, который каждый день засыпает пьяным? По крайней мере, алкоголизм, возможно, еще не самое худшее зло на земле; как минимум половина людей с открыток, висящих на стене у меня над головой, алкоголики. Вся хитрость в том, прихожу я к выводу, чтобы быть алкоголиком, но не давать этому пороку влиять на твоё поведение или учебу.

Может быть, я просто читаю слишком много романов. В романах алкоголики всегда привлекательные, смешные, обаятельные и сложные, как Себастьян Флайт¹⁴ или Эйб Норт¹⁵, и они всегда пьют из-за глубокой, неутолимой грусти на душе или жуткого наследия Первой мировой войны, а я пью только потому, что испытываю жажду и мне нравится вкус пива, потому что я слишком шизанутый, чтобы уметь останавливаться. Но как бы то ни было, я не могу свалить все на Фолкленды.

А еще я пахну как алкоголик. Не прожил я в новой комнате и суток, а она уже пропахла. Этот запах мама называет «мальчишым» – теплый и соленый, немного похожий на то, как пахнет ремешок для часов изнутри. И откуда берется этот запах? Может быть, я ношу его с собой? Я сажусь на кровати и нахожу свою рубашку, снятую прошлой ночью, – она валяется на полу неподалеку, потная насквозь. Даже мой кардиган влажный. Меня озаряет вспышка мимолетного воспоминания... Что-то насчет... танцев? Я откидываюсь обратно на подушку и накрываюсь одеялом с головой.

В конце концов мой футон заставляет меня встать. За ночь он весь примялся, и теперь мой позвоночник упирается в твердый, холодный пол, словно я лежу на большом сыром полотенце, которое неделю провалялось в пластиковом пакете. Я сажусь на край этого лежбища, подтягиваю колени к подбородку и начинаю искать в карманах кошелёк. Он на месте, но я с тревогой обнаруживаю в нем всего одну пятерку и восемнадцать пенсов мелочью. И на это

¹⁴ Герой романа Ивлины Во «Возвращение в Брайдсхед».

¹⁵ Герой романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Ночь нежна».

мне придется протянуть до понедельника, целых три дня. Сколько же пива я вчера высосал? О боже, опять из глубин моей памяти, как пузыри пердежа в ванне, всплывают воспоминания. Танец. Я помню, что танцевал в центре круга. Этого просто не может быть, потому что обычно я могу исполнить лишь пляску святого Вита, а те люди, что окружали меня вчера, улыбались, хлопали в ладоши и подбадривали меня.

И тут до меня доходит с ужасающей четкостью, что эти аплодисменты были иронией.

Здание студенческого клуба – нарочито уродливая бетонная громадина, исполосованная дождями, – гнилым зубом сияет среди террас аккуратного георгианского дома. Сегодня утром сквозь вращающиеся двери студенты потоком входят и выходят поодиночке и группками, вместе со своими лучшими друзьями (с которыми знакомы уже целый день), потому что сегодня последний день недели первокурсника и до понедельника лекций не будет. Вместо этого нам сегодня предоставлена возможность вступить в различные общ-ва.

Я записываюсь во франц. общ-во, киновед. общ-во, лит. общ-во, поэт. общ-во, а также корреспондентом во все три студенческих журнала: литературно настроенный «Бумагомаратель», не признающий авторитетов бульварный «Сплетник» и искренний, призывающий к борьбе левацкий «Шире шаг». Еще я записываюсь в общ-во темной комнаты («Записывайся к нам – и увидишь, что проявится!»), хотя у меня нет фотоаппарата, и размышляю о том, не вступить ли мне в общ-во феминисток, но, пока я стою в очереди к их складному столу, меня прожигает недружелюбный взгляд девушки с внешностью Гертруды Стайн, и я начинаю задумываться, а не перегнул ли я палку, пытаюсь вступить в общ-во феминисток. Однажды я уже совершил подобную ошибку: когда мы поехали с классом на экскурсию в Музей Виктории и Альберта, я вошел в дверь с надписью «Женщины», подумав, что она ведет на экспозицию, посвященную изменяющейся роли женщины в современном мире, а на самом деле оказался в дамском туалете. В конце концов я решил не удостаивать общ-во феминисток чести видеть меня в своих рядах, потому что хоть и являюсь горячим сторонником движения освобождения женщин, но не полностью уверен в том, что вступаю в это общ-во не только для того, чтобы встречаться с девчонками.

На всякий случай побыстрее пробегаю мимо румяных, одетых в свитера пастельных тонов членов общ-ва бадминтонистов, чтобы никто не успел проверить мой блеф, затем машу рукой Джошу, который стоит с ребятами в очереди в общ-во мускулистых франтов, или как его там, короче, что-то связанное с лыжами, выпивкой, приставанием к женщинам и крайне правыми взглядами.

В театральное общ-во я тоже решаю не записываться. Как и общ-во феминисток, это достаточно хороший повод встречаться с девушками, но у медали есть и обратная сторона: обычно это всего лишь уловка, с помощью которой тебя заманивают в качестве актера на постановку. В этом семестре театральное общ-во будет ставить «Тетку Чарлея», «Антигону» Софокла, и «Эквус»¹⁶ и можно с уверенностью сказать, что мне достанется роль либо певца греческого хора и я буду, стоя в маске из папье-маше и рваной простыне, что-нибудь выкрикивать вместе с другими, либо одного из тех бедняг в постановке «Эквуса», кто весь спектакль торчит на сцене, облачившись в трико и голову лошади, сделанную из вешалок для пальто. Нет, спасибочки, обойдусь как-нибудь без театрального общ-ва. Кроме того, да будет вам известно, в выпускном классе я играл Иисуса в мюзикле «Очарованные Богом», и когда тебя бьют кнутом и распинают на глазах у всей школы, желание стать театралом испаряется само собой. Тони и Спенсер, конечно же, постоянно ржали и орали: «Еще! Еще!» – во время сорока ударов, но все остальные сошлись во мнении, что это было очень впечатляющее зрелище.

¹⁶ «Эквус» – знаменитая скандальная пьеса английского драматурга Питера Шеффера о самоосознании и становлении подростка.

Когда мне кажется, что общ-в на сегодня достаточно, я принимаюсь бродить по помещению в поисках вчерашней загадочной девушки, хотя, видит бог, понятия не имею, что буду делать, если увижу ее. Уж точно не танцевать. Я делаю два круга по спортзалу, но ее нигде не видно, поэтому я направляюсь наверх, в аудиторию, где будет проводиться отборочный тест для «Вызова», просто чтобы убедиться, что не перепутал номер комнаты и время. И действительно, на двери висит плакатик: «Начальный вопрос ценой десять баллов! Требуются лишь лучшие умы». «Прикидываешь свои шансы?» – спросила она меня вчера. А еще сказала: «Может, там и увидимся?» Серьезно ли она это говорила? Если да, то где она? Впрочем, я пришел на час раньше, поэтому решаю вернуться в спортзал и еще раз осмотреться по сторонам.

Спускаясь по лестнице, я прохожу мимо черноволосой девушки-еврейки, с которой познакомился вчера. Как ее там, Джессика? Она стоит на лестничной площадке среди группы тощих, бледных парней в черных кожанках и черных джинсах в обтяжку и раздает листовки Социалистической рабочей партии с таким охрененно озлобленно-решительным видом, что я, охваченный духом солидарности, подхожу к ней и говорю:

– Приветствую, товарищ!

– Доброе утро, чучело-пальцы-скрючило, – нараспев отвечает она, глядя на мой стиснутый кулак без всякого веселья, и здесь эта девица права, потому что ничего смешного в этом нет. Затем она возвращается к раздаче листовок, походя бросая: – Кажется, где-то здесь было танц. общ-во.

– О боже, неужели это было настолько безобразно?

– Скажу только, что я умирала от желания засунуть тебе карандаш между зубов, чтобы ты ненароком не откусил язык.

Я самоиронично смеюсь и качаю головой, словно говоря «с ума сойти», но она не улыбается, поэтому я произношу:

– Знаешь, жизнь научила меня двум вещам: номер один – не танцевать пьяным!!! —

Тишина... – На самом деле я хотел бы взять листовку.

Она с недоумением смотрит на меня, заинтригованная моими скрытыми глубинами.

– А ты уверен, что я не потрачу бумагу впустую?

– Конечно же не впустую.

– А ты уже вступил в какую-нибудь политическую партию?

– Ну, знаешь... в Движение за ядерное разоружение!

– Так это не политическая партия.

– По-твоему, оборонная доктрина – это не политический вопрос? – говорю я, наслаждаясь тем, как звучит моя фраза.

– Политика – это экономика, чистая и простая. Группы с одним пунктом в программе, группы давления, вроде Движения за ядерное разоружение или Гринписа, играют важную и существенную роль, но говорить о том, что киты – большие и красивые или что ядерный холокост – ужасная вещь, – это не политическая позиция, это трюизм. Кроме того, в настоящем социалистическом государстве военные были бы автоматически лишены льгот и избирательных прав...

– Как в России? – говорю я.

А-га!

– Россию нельзя назвать по-настоящему социалистической.

Ох...

– Или на Кубе? – добавляю я.

Туше!

– Да, если тебе так нравится. Как на Кубе.

– Хм... В таком случае, я полагаю, на Кубе нет армии? – говорю я.

Отличное контрнаступление.

– В общем-то нет, даже говорить не о чем, если принимать во внимание валовой национальный продукт. Куба тратит на оборону шесть процентов от налогов, в то время как в США эта величина составляет сорок процентов. – Наверняка она все это только что сама придумала. Даже Кастро этого не может знать. – Если бы не постоянная угроза со стороны США, им не пришлось бы тратить и этих шести процентов. Или ты лежишь по ночам без сна и боишься, что нас оккупируют кубинцы?

Кажется, если я обвиню ее в том, что она сама сочинила всю эту фигню, это будет выглядеть как-то по-школьному, поэтому я просто говорю:

– Так можно взять листовку или как?

И она неохотно вручает мне свою прокламацию:

– Если это для тебя слишком откровенно, вон там есть лейбористская партия. Или можешь просто показать свое истинное лицо и записаться в тори.

Ее слова прозвучали как пощечина, поэтому какое-то время уходит на то, чтобы осознать услышанное, и, пока я соображаю, что ответить, она поворачивается ко мне спиной, просто отворачивается и продолжает раздавать листовки. Мне хочется положить руку ей на плечо, развернуть и сказать: «Не смей поворачиваться ко мне спиной, ты, жеманная, фанатичная, самоуверенная маленькая корова, потому что моего отца работа в могилу свела, поэтому не надо мне читать лекции про Кубу, потому что в моем мизинце больше чувства сраного социального неравенства, чем в тебе и во всей твоей шайке дружков-буржуев из художественного училища, во всех ваших холеных, самодовольных, ублаженных телах». И я почти говорю это, но в конце концов останавливаюсь на варианте:

– Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что сокращенно ваша партия будет называться СРаПа!

Она оборачивается ко мне, причем достаточно медленно, и, сузив глаза, говорит:

– Послушай, если ты на самом деле одобряешь и поддерживаешь то, что Тэтчер делает со страной, тогда флаг тебе в руки. С другой стороны, если намерен выдать весь запас шуток для шестиклассников и банальных комментариев, то тогда, думаю, мы сможем обойтись без тебя. Большое спасибо!

Конечно же, она права. Почему мои слова всегда звучат так смешно и неубедительно, когда я говорю о политике? Не вижу в ней ничего ироничного. Думаю, мне необходимо постараться донести все это до нее, просто наладить интеллигентный взрослый разговор, но тут как раз завязывается перепалка между одним из тощих парней в черной джинсе и кем-то из Классовой Войны, поэтому я решаю, что на сегодня достаточно, и просто удаляюсь.

7

В о п р о с: Какая спорная измерительная шкала, изобретенная немецким психологом Вильямом Штерном, была изначально определена как отношение «интеллектуального» возраста человека и его физического возраста, умноженное на 100?

О т в е т: Ай-кью, коэффициент умственного развития.

Я снова иду наверх, в аудиторию номер шесть, где высокий блондин с официально-бюрократическим видом расставляет штук тридцать столов и стульев как для экзамена. Он явно намного старше меня: ему двадцать один – двадцать два или около того. Он хорошо смотрится в форменной университетской темно-красной рубашке – высокий, загорелый, неброско-красивый, с короткими русыми волосами, уложенными в прическу, которая кажется отлитой из одного куска пластика. Некоторое время я наблюдаю за ним сквозь стеклянные двери. Если бы в Британии были астронавты, он выглядел бы как один из них. Еще он похож на Экшн-мэна¹⁷, от которого не исходит угрозы. Меня тревожит только одно: я его откуда-то смутно помню...

Он замечает меня, поэтому я вежливо просовываю голову в приоткрытую дверь и говорю:

- Извините, в этой комнате будет «Университетский вы...»?
- Пальцы на кнопки, звучит первый вопрос: «Вы прочитали объявление?»
- Да.
- И что в нем говорится?
- Аудитория номер шесть, час дня.
- А сейчас сколько?
- Двенадцать сорок пять.
- Полагаю, я ответил на ваш вопрос?
- Полагаю, да.

После этого разговора сажусь у двери и разминаюсь – повторяю про себя кое-какие списки: короли и королевы Англии, Периодическая система элементов, американские президенты, законы термодинамики, планеты Солнечной системы, так, на всякий случай, простая методика подготовки к экзаменам. Проверяю, что у меня есть ручка и карандаш, носовой платок, коробочка «Тик-така», и жду появления остальных участников отборочного тура. Через десять минут я по-прежнему в одиночестве, поэтому пялюсь на парня, который сидит за учительским столом и с важным видом раскладывает и скрепляет листы с вопросами. Наверное, он довольно большая шишка из отборочной комиссии «Университетского вызова» и у него головокружение от такой опьяняющей власти, но я должен вести себя с ним подчеркнуто вежливо, поэтому ровно в 12:58, и ни минутой раньше, встаю и вхожу в комнату.

- Теперь можно?
- Конечно заходи. Сколько там еще с тобой? – спрашивает он, не поднимая глаз.
- Хм... Никого.

– Да что ты? – Он смотрит сквозь меня, потому что мне явно нельзя доверять. – Тьфу ты, блин! Опять как в восемьдесят третьем! – Он чертыхается и вздыхает, затем присаживается на край стола и берет в руки папку с зажимом для бумаг, бросает беглый взгляд на мое лицо и тут же переводит его на точку, расположенную в дюймах двенадцати от него, но для него более приятную на вид. – Ну да ладно, меня зовут Патрик. А тебя как зовут?

- Брайан Джексон.
- Курс?

¹⁷ Игрушечный солдатик масштаба 1 : 6.

– Первый курс! Только вчера приехал!

Опять чертыхание и вздох.

– Профилирующий предмет?

– Вы имеете в виду, специализация?

– Как тебе угодно.

– Английская литература!

– Господи, еще один! По крайней мере, ты не совсем впустую потратишь три года своей жизни.

– Извините, я...

– Куда подевались математики, хотел бы я знать? Биохимики? Инженеры-механики? Неудивительно, что у нас вся экономика летит к чертям собачьим. Никто не может построить электростанцию, зато все знают, что такое метафора.

Я смеюсь, затем смотрю на него, чтобы убедиться, что он шутит. Оказывается, нет.

– Да я сдавал выпускные экзамены по техническим дисциплинам! – говорю в свое оправдание.

– Правда? И по каким именно?

– Физике и химии.

– Ну хорошо, давай проверим, человек эпохи Возрождения! Третий закон механики Ньютона?

Друг мой, тебе следовало поднапрячься и спросить что-нибудь посложнее!

– Действию всегда соответствует равное и противоположно направленное взаимодействие, – отвечаю я.

Реакция Патрика тоже достаточно равная и противоположная: мимолетный скупой взлет бровей, и снова его взгляд утыкается в блокнот.

– Школа?

– Извините?

– Я сказал «школа». Большое здание, построенное из кирпича, с учителями внутри...

– Я понял вопрос, мне просто интересно, зачем вам это знать?

– Ну ладно, Троцкий, я понял вашу точку зрения. У тебя есть ручка? Хорошо. Вот бумага, через минуту вернусь.

Я сажусь за одну из последних парт; в комнату входят еще двое.

– А вот и кавалерия! – восклицает Патрик.

Первый потенциальный товарищ по команде, девушка-китаянка, вносит небольшую сумятицу, потому что на первый взгляд кажется, что в ее спину вцепилась панда. При более близком рассмотрении выясняется, что это не настоящая живая панда, а остроумно оформленный рюкзак. Полагаю, этот показатель причудливого чувства юмора не сулит ничего хорошего с точки зрения шансов выиграть в серьезной, продвинутой викторине по проверке эрудиции. Как бы то ни было, из ее разговора с Патриком я узнаю, что ее зовут Люси Чан, что она на втором курсе, специализируется на медицине, поэтому может заткнуть меня за пояс в каких-нибудь научных вопросах. По-английски она вроде бы говорит достаточно бегло, хотя и невероятно тихо, с легким американским акцентом. Что говорится в правилах об участии иностранцев?

Следующий соперник – огромный громогласный парень из Манчестера, одетый в оливково-зеленую армейскую форму и большие тяжелые сапоги; на бедре у него – небольшой синий планшет летчика. Странно, но на планшете маркером выведена эмблема Движения за ядерное разоружение. Патрик проводит с ним собеседование с эдакой скупой учтивостью, как сержант с капралом, и в ходе разговора выясняется, что это студент третьего курса, изучающий политику. Он из Рочдейла, и зовут его Колин Пейджетт. Он обводит комнату взглядом, кивает, затем мы ждем в тишине и крутим в руках письменные принадлежности, сидя настолько далеко друг

от друга, насколько позволяют законы геометрии; мы ждем десять минут, пятнадцать, пока не становится окончательно ясно, что больше никто не появится. Где же она? Она сказала, что придет. Уж не случилось ли с ней чего-нибудь?

Наконец Патрик-Астронавт вздыхает, встает к доске и говорит:

– Ну что ж, начнем? Меня зовут Патрик Уоттс, я из Эштон-андер-Лайна, изучаю экономику, и я капитан команды «Университетского вызова» в этом году... – (Погодите-ка, это кто еще сказал...) – Постоянные зрители викторины могут узнать меня по прошлогоднему турниру.

Точно, вот откуда я его знаю. Помню, я смотрел эту игру очень внимательно, потому что как раз заполнял анкету для поступления в университет и мне хотелось знать, на кого равняться. Помню, еще подумал тогда, что это весьма слабая команда. У этого Патрика наверняка еще не зажили эмоциональные шрамы, потому что, говоря о прошлогоднем выступлении, он с пристыженным лицом смотрит в пол.

– Конечно, это была не безупречная игра... – (Да если я не ошибаюсь, их вышибли в первом же раунде, а противник у них был не слишком сильный.) – Но мы полны оптимизма относительно наших шансов на этот год, особенно когда у нас так много... подающего большие надежды... материала.

Мы все трое смотрим на аудиторию, друг на друга, на ряды пустых парт.

– Точно! Итак, без лишней болтовни, давайте приступим к решению теста. Он составлен в письменной форме и содержит сорок вопросов по различным областям знаний – похожих на те, с которыми нам придется столкнуться в программе. В прошлом году мы были особенно слабы в области науки, – он бросает на меня быстрый взгляд, – и я хочу удостовериться, что на этот раз у нас не будет сильного гуманитарного уклона...

– А команда состоит из четырех человек, да? – трубит манчестерец.

– Верно.

– В таком случае тут без вариантов... мы и есть команда.

– Да, но нам нужно быть уверенными, что уровень отвечает приемлемым стандартам.

Но Колин не отстаёт:

– Зачем?

– Да потому что, если мы этого не сделаем... мы снова проиграем.

– Ну и?..

– А если мы снова проиграем, если мы снова проиграем... – Рот Патрика беззвучно открывается и закрывается, как у выброшенной на берег скумбрии.

Такое же лицо у него было в прошлом году по национальному телевидению, когда он никак не мог вспомнить ответ на совершенно простой вопрос по озерам Восточной Африки: тот же затравленный вид, и все зрители знают ответ и желают помочь ему: «Озеро Танганьика, Танганьика, идиот ты этакий».

И тут его отвлекает шум в коридоре: группа ухмыляющихся девичьих лиц на какой-то миг прижимается к стеклу, раздаётся приглушённый взрыв хохота, потасовка, и одну девушку заталкивают в комнату невидимые руки, она просто стоит в дверях и хихикает, глядя на нас и пытаясь вернуть себе самообладание.

Клянусь, в какой-то момент мне показалось, что все вот-вот встанут.

– Ой! Извините!

У нее немного заплетается язык, и она не вполне твердо держится на ногах. Не могла же она прийти на экзамен поддатой?

– Извините, я не очень опоздала?

Патрик приглаживает рукой свои волосы астронавта, облизывает губы и произносит.

– Вовсе нет. Приветствуем тебя на борту, э-э?..

– Алиса. Алиса Харбинсон.

Алиса. Алиса. Конечно же, ее зовут Алиса. Кем же еще ей быть?

– Хорошо, Алиса. Пожалуйста, садись...

Она осматривается, улыбается мне, затем подходит и садится за парту прямо за мной.

Первые несколько вопросов достаточно простые: основы геометрии и какая-то фигня насчет Плантагенетов, просто чтобы усыпить нашу бдительность, но мне трудно сосредоточиться, потому что Алиса издает какой-то шмыгающий звук у меня за плечом. Я оборачиваюсь и вижу: она склонилась над вопросником с красным лицом и трясется от сдерживаемого смеха. Я возвращаюсь к своим экзаменационным вопросам.

В о п р о с 4: Как в древности назывался Стамбул до того, как его называли Константинополем?

Это просто. Византий.

В о п р о с 5: Гелий, неон, аргон и ксенон – это четыре из так называемых благородных газов. Назовите еще два.

Без понятия. Может быть, криптон и водород? Криптон и водород¹⁸.

В о п р о с 6: Каков точный состав аромата, исходящего от Алисы Харбинсон, и почему он так очарователен?

Что-то дорогое, цветочное, но легкое. Возможно, это «Шанель № 5»? Смешанный с ненавязчивым оттенком грушевого мыла, и сигарет, и пива...

Хватит, довольно об этом. Сосредоточься.

В о п р о с 6: Где находится место г-жи Тэтчер в парламенте?

Это просто. Это я точно знаю, но тут снова за спиной раздается шум. Я оборачиваюсь, и мне удастся перехватить ее взгляд. Она корчит рожу, беззвучно произносит «извини», затем застегивает свои губы на воображаемую молнию. Я едва заметно, одним уголком рта, улыбаюсь, словно говорю: «Эй, да не обращай ты на меня внимания, я тоже серьезно к этому не отношусь», затем возвращаюсь к тесту. Необходимо сосредоточиться. Я закидываю в рот «Тик-так» и тру пальцами лоб. Сосредоточься, сосредоточься.

В о п р о с 7: Цвет губ Алисы Харбинсон можно сравнить с...

Не уверен, не вижу. Что-то из того сонета Шекспира. С дамасской розой или кораллами или что-то в этом роде?¹⁹ Нет. Не смей. Не смотри. Просто сосредоточься. Опустит голову.

8, 9 и 10 решены без проблем, но затем идет бесконечная вереница нелепо сложных математических и физических вопросов, и я начинаю немного плавать, пропускать по два – по три из тех, которые я просто не понимаю, но пытаюсь решить тот, который про митохондрию.

– Эй...

В о п р о с 15: Энергия, высвобождаемая при окислении продуктов цитоплазматического метаболизма аденозинтрифосфата...

– Э-э-э-эй...

Алиса наклонилась вперед и с круглыми глазами пытается передать мне что-то зажатое в кулак. Я проверяю, не смотрит ли Патрик, затем протягиваю руку назад и чувствую, как она вкладывает в сложенную лодочкой ладонь клочок бумаги. Патрик поднимает глаза, и я быстро продолжаю свое движение так, словно потягиваюсь. Когда горизонт снова чист, я разворачиваю записку. В ней говорится: «Твоя удивительная, неземная красота пленила меня. Сколько еще мне осталось ждать, пока я смогу почувствовать, как твои губы прижимаются к моим...»

А если точнее, то: «Эй, Зубрила! Помоги мне! Я очень БЕЗТОЛКОВАЯ и к тому же ДАТАЯ. Пожалуйста, спаси меня от ПОЛНОГО унижения. Подскажи ответы на вопросы 6, 11, 18 и 22! И № 4 – это Византий, верно? Не унывай, напарник, жду ответа, как соловей лета,

¹⁸ На самом деле – криптон и радон.

¹⁹ У. Шекспир. Сонет 130: «Ее глаза на звезды не похожи, / Нельзя уста кораллами назвать, / Не белоснежна плеч открытых кожа, / И черной проволокой вьется прядь. / С дамасской розой, алой или белой, / Нельзя сравнить оттенок этих щек, / А тело пахнет так, как пахнет тело, / Не как фиалки нежный лепесток». (Перевод С. Маршака).

глупышка у тебя за спиной. Чмокаю в щечку. P. S. Только настучи на меня учителю – я тебе потом устрою».

Она просит меня поделиться с ней моей эрудицией, и я не знаю, как еще это можно назвать, кроме как мошенничеством. Конечно же, списывание на экзаменах – ужасная вещь, и если бы это был любой другой, я не повелся бы на провокацию, но сейчас обстоятельства исключительные, поэтому я быстро проверяю ответы, затем переворачиваю бумажку и пишу: «№ 6 – Финчли, 11 – наверное, «Камни Венеции» Рескина, 18 – наверное, кошка Шродигера²⁰, 22 я тоже не знаю. Дягилев? 4 – да, Византий».

Я читаю и перечитываю это несколько раз. Довольно сухо, если говорить о любовных письмах, а мне хочется сказать что-нибудь более возвышенное и провокационное, не написав при этом «ты очень красивая», поэтому я задумываюсь на минуту, делаю глубокий вдох и пишу: «Кстати, ты передо мной в долгу. Кофе после экзамена. С наилучшими пожеланиями, Зубрила!» – затем, не давая себе времени на размышления, я разворачиваюсь и кладу записку ей на парту.

В о п р о с 23: Киты подотряда беззубых имеют специальный нарост для питания, который называется...

Китовый ус.

В о п р о с 24: Какой французский стих, которым пользовались Корнель и Расин, имеет строку из двенадцати слогов, с цезурами после шестого и последнего слога?

Александрийский.

В о п р о с 25: Симптомами какого эмоционального состояния обычно являются ускорение сердечного ритма, холодный пот и чувство эйфории?

Ну давай успокойся, это же «Вызов», помнишь?

В о п р о с 25: Сколько вершин у додекаэдра?

Так, «додек-» означает «двенадцать», значит у него двенадцать плоских граней, значит, если его разобрать, будет 12 раз по четыре, а это будет 48, но потом еще нужно вычесть количество общих углов, которых будет сколько, 24? Почему 24? Потому что в каждой вершине сходятся по три плоские грани? 48, деленное на три, равняется 16.

16 вершин? А для всего этого нет, случайно, формулы? Что, если попробовать его начертить?

И я пытаюсь начертить разобранный додекаэдр, когда небольшой комочек бумаги перелетает через мою голову и катится по моей парте. Я хватаю его, пока он не укатился за край, разворачиваю и читаю: «Ладно. Только пообещай, что не будешь танцевать».

Я улыбаюсь, но веду себя хладнокровно, то есть не оборачиваюсь, потому что, в конце концов, именно таков я и есть – достаточно хладнокровный парень, и возвращаюсь к разбору додекаэдра²¹.

²⁰ Один из самых знаменитых парадоксов в квантовой теории, описанный профессором Эрвином Шрёдингером.

²¹ На самом деле у додекаэдра 12 граней, 30 ребер, 20 вершин.

8

В о п р о с: Если накаливание – это свет, излучаемый горячим материалом, то какой термин используется для описания света, излучаемого сравнительно холодным материалом?

О т в е т: Люминесценция.

- Я не надеялся, что ты узнаешь меня без белого воротника!
- Что? А, нет. Начнем с того, что я и не узнала, – говорит она.
- Итак, Алиса!
- Точно.
- Как в Стране чудес?
- Угу, – отвечает она, кидая нетерпеливый взгляд в сторону выхода.

Мы сидим за мраморным столиком в кафе «Ле Пари матч», которое изо всех сил пытается быть похожим на французское: кругом «подлинные» деревянные стулья, пепельницы «Рикар» и плакаты с репродукциями Тулуз-Лотрека, а также *croque monsieur* в меню вместо «тостов с ветчиной и сыром». В кафе полно студентов в черных рубашках поло и «Левайсах 501», которые ведут жаркие споры над тарелками с *pommes frites* – картофель фри – и размахивают сигаретами, жалея, что это не «Житан», а всего лишь «Силк кат». Я никогда не был во Франции, но на самом ли деле там все выглядит именно так?

- В честь ее тебя и назвали – Алисы в Стране чудес?
- Так мне сказали. – Пауза. – А тебя почему назвали Гэри?

Я задумываюсь на секунду, пытаюсь выдать какой-нибудь интересный и забавный анекдот о том, почему меня назвали Гэри, но потом решаю, что все-таки лучше раскрыть карты.

- На самом деле меня зовут Брайан.
- Ах да, конечно, извини. Я имела в виду – Брайаном.
- Без понятия. Не думаю, чтобы в литературе были какие-нибудь Брайаны. Или Гэри, если на то пошло. Хотя разве нет Гэри в «Братьях Карамазовых»? Гэри, Кейт и...
- И Брайан! Брайан Карамазов! – восклицает она и смеется, и я смеюсь вместе с ней.

Сегодня у меня действительно великий день, потому что я не только сижу вместе с Алисой Харбинсон и смеюсь над собственным именем, но и наслаждаюсь своей первой чашкой капучино. Разве во Франции пьют капучино? Как бы то ни было, кофе классный: немного похож на тот молочный кофе, который продают в кафешке на пирсе Саутенда по 35 пенсов, разве что вместо маленьких горьких гранул нерастворившегося растворимого кофе в этой чашке на поверхности плавает мускусная пенка корицы. Моя вина: я немного переборщил, думая, что это шоколадный порошок, поэтому кофе запахом немного напоминает горячую влажную подмышку. Но я решаю для себя, что этот капучино немного похож на секс, и я, наверное, получу от кофе куда больше наслаждения во второй раз. Хотя за него пришлось выложить 85 пенсов, поэтому я не уверен, будет ли этот второй раз. Снова немного похоже на секс.

Ну вот, опять. Секс и Деньги. Хватит думать о сексе и деньгах. Особенно о деньгах, это просто ужасно, ты здесь с очаровательной женщиной, а все, о чем ты можешь думать, – это о цене чашки кофе. И сексе.

– Умираю с голоду, – говорит она. – Может, немного перекусим? Картофель фри или что-нибудь в этом роде?

– Конечно! – соглашаюсь я и смотрю в меню. Что? Фунт с четвертью за несчастную тарелку картошки? – Хотя я на самом деле не голоден, но ты можешь поесть.

Алиса машет рукой официанту, тщедушному парню с челкой а-ля Моррисси, по виду – студенту, он подходит и говорит с ней через мою голову, поприветствовав громким дружеским «приветик!».

– Привет, как дела сегодня? – спрашивает она.

– Да нормально. Только лучше бы я сегодня дома остался. Две смены подряд!

– О боже. Бедняжка! – говорит Алиса, сочувственно поглаживая его руку.

– А у тебя как дела? – спрашивает он.

– Спасибо, очень хорошо.

– Не обидишься, если я скажу, что ты сегодня прекрасно выглядишь?

– Ой да ладно тебе, – смущается Алиса и прикрывает лицо рукой.

*Zut alors!*²²

– Так что принести тебе? – спрашивает хилек, наконец вспомнив, зачем он здесь.

– А можно нам заказать только тарелку *pommes frites*, как ты думаешь?

– *Absolument!*²³ — отвечает гарсон и относительно быстро идет на кухню, чтобы начать приготовление драгоценной позолоченной жареной картошки.

– Откуда ты его знаешь? – спрашиваю я, когда он уходит.

– Кого? Официанта? Первый раз вижу.

– О!

И наступает тишина. Я отпиваю кофе и стираю коричневую пыль с ноздрей тыльной стороны ладони.

– Итак! Я не был уверен, что ты узнаешь меня без белого воротника!

– Ты это уже говорил.

– Разве? Со мной иногда такое случается: в голове путается, что я говорил, а что – нет, а иногда замечаю за собой, что говорю вслух вещи, которые хотел сказать про себя, если ты понимаешь, о чем я...

– Я точно знаю, о чем ты! – вдруг восклицает она, хватая меня за руку. – Я вечно все путаю или просто болтаю лишнее... – (Это так мило, что она пытается найти общий язык со мной, хотя я ни капли ей не верю.) – Клянусь, в половине случаев я просто сама не знаю, что делаю.

– Я тоже. Как танец вчера вечером...

– Ах да... – говорит она, прикусывая губу, – танец...

– ...Да, очень сожалею об этом. По правде говоря, я немного перебрал.

– Нет, все было нормально. Ты классный танцор!

– Вряд ли! – говорю я. – Знаешь, меня даже удивило, что никто не попытался вставить мне карандаш между зубов!

– Зачем? – Она удивленно посмотрела на меня.

– Ну... чтобы я перестал откусывать себе язык? – (По-прежнему никакой реакции.) – Знаешь, как... эпилептик!

Но она ничего не говорит, лишь делает еще один глоточек кофе. Боже мой, наверное, обиделась. Возможно, среди ее знакомых есть эпилептик. Возможно, эпилепсия есть даже в ее семье! Может быть, она эпилептик...

– А тебе не жарко в этой спецовке? – спрашивает Алиса, а тем временем гарсон возвращается с изысканным картофелем фри – около шести кусочков заботливо разложены в большой рюмке для яиц – и начинает слоняться вокруг, довольный собой, явно намереваясь начать новый разговор, поэтому я говорю без остановки:

²² Вот черт! (*фр.*)

²³ Безусловно! (*фр.*)

– Знаешь, если жизнь и научила меня чему-нибудь, то это двум вещам. Первая – не танцевать пьяным.

– А вторая?

– Не пытаться газировать молоко в сифоне. – (Она смеется, а гарсон, признав поражение, отступает. Не останавливаясь, продолжай...) – ... Не знаю, чего я ожидал, просто подумал, что получится такой замечательный газированный молочный напиток, но у газированного молока есть название... – Пауза, глоток. – Оно называется йогурт!

Иногда я на самом деле могу такое выдать! Этого у меня не отнимешь.

Поэтому мы говорим еще немного, она ест картофель фри, макая его в кетчуп, капли которого по размеру и форме похожи на контактные линзы фирмы «Пирекс», и все это немного напоминает мне вечер, проведенный в том кафе из «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» Т. С. Элиота, но с более дорогой едой. «Могу ли я позволить себе персик? Нет, только не за такую цену...» Я узнаю ее поближе. Она единственный ребенок, как и я. Алиса думает, что это из-за маминых придатков, хотя наверняка не уверена. Ничего не имеет против того, чтобы быть единственным ребенком в семье, ведь это значит только то, что она немного увлеклась книгами и ходила в школу-интернат, что политически не совсем верно, Алиса знает это, но ей все равно это нравилось, и она была старостой класса. У нее очень близкие отношения со своим папой, который снимает документальные фильмы об искусстве на Би-би-си, отец разрешил ей поработать там на каникулах, и она тогда часто-часто встречалась с Мелвином Брэггом²⁴, который действительно очень, очень смешной в жизни и на самом деле весьма сексуальный. Маму Алиса тоже любит, конечно же, но часто с ней спорит, наверное, потому, что они так похожи, и ее мама работает неполный рабочий день в благотворительной организации «Верхушки деревьев», которая строит дома на деревьях для трудных подростков.

– Разве им не лучше жить со своими родителями? – интересуюсь я.

– Что?

– Ну, знаешь, детишки живут сами по себе на деревьях – это, должно быть, очень опасно, не так ли?

– Нет-нет, они не живут в этих домиках на деревьях, это просто такая программа для летних лагерей.

– А, точно. Теперь понял...

– Большинство этих детей из неблагополучных семей живут только с одним родителем, и у них никогда в жизни не было семейного праздника! – (Боже мой, она говорит обо мне.) – Это просто фантастика. Если ты ничем не занят следующим летом, тебе обязательно нужно туда поехать.

Я с энтузиазмом киваю, хотя и не вполне уверен, просит ли она меня о помощи или предлагает отдохнуть.

Затем Алиса рассказывает мне о своих летних каникулах, часть которых она провела на верхушках деревьев с трудными и, несомненно, шумными подростками. Остальное время было распределено между их домами в Лондоне, Суффолке и в Дордони²⁵, а еще она играла в пьесе, поставленной силами ее школьного драмкружка на Эдинбургском фестивале.

– И что вы ставили?

– «Добрый человек из Сычуани» Бертольда Брехта.

Конечно, всем ясно, какую роль играла она, не так ли? Классический случай, когда можно вернуть слово «эпонимический».

– А кто играл эпонимическую...

– О, это была я, – отвечает она.

²⁴ Британский писатель и телеведущий.

²⁵ Департамент на юго-западе Франции.

Да-да, конечно, это была ты.

– Ну и получилось? – спрашиваю я.

– Что?

– Сыграть хорошо?

– Ну, не очень. Хотя «Скотсмен»²⁶, похоже, посчитала именно так. А ты вообще знаешь, о чем пьеса?

– Очень хорошо, – вру я. – Мы как раз ставили «Кавказский меловой круг» Брехта в прошлом году в школе. – Пауза, глоток капучино. – Я играл роль мела.

Боже, сейчас точно сблую.

Но она смеется и начинает говорить о требованиях, которым должна соответствовать актриса, исполняющая роль эпонимической Доброй Женщины, а я пользуюсь возможностью первый раз посмотреть на нее трезвым и не сквозь запотевшие очки взглядом – она действительно прекрасна. Определенно, это первая по-настоящему красивая женщина, которую я вижу, помимо живописи эпохи Возрождения или телика. В школе все говорили, что Лиза Чемберз красивая, хотя на самом деле имелось в виду «озабоченная», но Алиса – это настоящая красота: молочно-белая кожа, на которой, кажется, вовсе отсутствуют поры, освещена изнутри какой-то органической подкожной люминесценцией. Или правильнее сказать «фосфоресценцией»? Или «флуоресценцией»? В чем там разница? Так или иначе, либо она вовсе не пользуется косметикой, либо, что более вероятно, косметика так хитроумно наложена, чтобы создавалось впечатление, что ее нет, разве что вокруг глаз есть немножко, потому что в настоящей жизни ни у кого нет таких ресниц, правда ведь?

И сами глаза: карие – не совсем подходящее слово, оно слишком скучное и тривиальное, а лучшего я подобрать не могу, но они яркие и здоровые, и настолько широкие, что можно видеть всю радужную оболочку с зелеными крапинками. Губы полные, цвета клубники, как у Тэсс Дарбифилд, но это счастливая, пришедшая в себя, состоявшаяся Тэсс, которая наконец-то выяснила, что она, слава богу, на самом деле из рода д'Эрбервилль. Но лучше всего смотрится крошечный белый шрам на ее нижней губе, я даже могу представить себе, как он был получен: душераздирающая история о сборе ежевики в детстве. Ее волосы цвета меда немного вьются и зачесаны от лба назад, в стиле, который, как мне представляется, можно назвать прерафаэлитским. Она выглядит... какое там слово употребил Т. С. Элиот? Кватроченто. Или это Йитс? А Кватроченто – это четырнадцатое или пятнадцатое столетие? Надо будет проверить, когда вернусь домой. Не забыть посмотреть «Кватроченто», «Дамаск», «заезженный», «люминесценция», «фосфоресценция» и «флуоресценция».

Сейчас она говорит о вчерашней вечеринке, насколько там было ужасно, и каких ужасных мужчин она там встретила, так много ужасных немодных качков-мордovorотов без шеи. Когда она говорит, то подается на стуле вперед, обвив длинными ногами его ножки, касается моей руки, чтобы что-то подчеркнуть, и смотрит прямо в глаза, словно вынуждая меня ответить взгляд, а еще она проделывает этот трюк с подергиванием своих крошечных серебряных сережек-гвоздиков во время разговора, что является показателем бессознательного влечения ко мне – или легкого воспаления в месте прокола мочки.

Я, со своей стороны, стараюсь изобразить какие-нибудь новые выражения на лице и принять новые позы, одна из которых заключается том, что я наклоняюсь вперед и подпираю подбородок рукой, а пальцами прикрываю рот и изредка глубокомысленно потираю подбородок. Этим я убиваю сразу нескольких зайцев: 1) создается вид, что я глубоко задумался, 2) это чувственный жест – пальцы на губах, классический сексуальный символ, 3) таким образом я прикрываю самые худшие места, припухлую красную сыпь в уголках моего рта, которая наводит на мысль, что я пил суп из тарелки.

²⁶ Шотландская газета.

Она заказывает еще чашку капучино. Интересно, мне что, и за эту платить? Не важно. Негромко играет кассета Стефан Граппелли / Джанго Рейнхардт, поставленная на автореверс, жужжит себе, будто муха бьется о стекло, и я вполне счастлив оттого, что просто сижу и слушаю. Если у Алисы и есть недостатки, то только один, совсем маленький: похоже, она абсолютно равнодушна ко всем остальным людям, по крайней мере ко мне. Она не знает, откуда я, не задает вопросов про мою маму или моего папу, не знает моей фамилии, и я не вполне уверен, что она до сих пор не думает, что меня зовут Гэри. На самом деле с того момента, как мы встретились, она задала только два вопроса: «Тебе не жарко в этой спецовке?» и «Ты же знаешь, что это корица, правда?».

И вдруг, словно прочитав мои мысли, она говорит:

– Извини, кажется, говорю только я. Ты не обижаешься, правда?

– Вовсе нет.

Я и на самом деле не обижаюсь, мне просто нравится быть здесь, рядом с ней, и знать, что другие люди видят меня рядом с ней. Она рассказывает о поразительный болгарской цирковой труппе, которая выступала на фестивале в Эдинбурге, а это значит, что у меня есть достаточно времени, чтобы отвлечься от ее монолога и прикинуть, какой будет счет. Три капучино по 85 пенсов, это будет 2,55, плюс картофель фри, извините, *pommes frites*, 1,25 фунта, между прочим, по 18 пенсов за каждый ломтик, значит, 25 плюс 55 – это 80, итого – 3,80 фунта, плюс еще чаевые этому хихикающему мальчишке, скажем, 30, нет, 40 пенсов. Итого – 4,20 фунта, а в кармане у меня 5,18, а это значит, что на 98 пенсов мне придется прожить до понедельника, когда я смогу получить чек со своей стипендией. Господи, какая она все-таки красивая! А что, если она предложит заплатить пополам? Соглашаться? Хочу, чтобы она знала, что я твердо верю в равенство полов, но не желаю, чтобы она подумала, будто я бедный или, что еще хуже, жадный. Но даже если мы заплатим пополам, у меня останется всего три фунта и мне придется выпрашивать у Джоша десятку моей мамы обратно до понедельника, а это значит, что мне наверняка придется ходить у него в шестерках до самых рождественских каникул, стирать его форму для крикета, печь ему булочки или еще что-нибудь в этом роде. Подождите-ка, она как раз что-то спрашивает у меня.

– Хочешь еще капучино?

НЕТ!

– Нет, пожалуй, – говорю я. – На самом деле нам пора вернуться и посмотреть на результаты. Я оплачу счет... – И я смотрю по сторонам, ища взглядом официанта.

– Вот, давай я дам тебе немного денег, – говорит она, делая вид, что тянется к сумочке.

– Нет, не надо, я угощаю...

– Уверен?

– Конечно-конечно, – говорю я, отсчитываю 4,20 фунта на мраморный столик и чувствую себя настоящим толстосумом.

Выйдя из «Ле Пари матча», я понимаю, что уже темнеет. Мы болтали несколько часов, а я совсем не заметил. В какой-то момент я даже забыл о «Вызове». Но теперь вспомнил о нем и с трудом сдерживаю себя, чтобы не броситься бежать. Алиса, напротив, идет неторопливо, и мы прогуливаемся до студенческого клуба под лучами осеннего вечернего солнца, и она спрашивает:

– Так кто тебя подбил на это?

– Ты о чем? О «Вызове»?

– Так вот как ты его называешь? Вызов?

– Разве не так его называют все? Я считал, там будет забавно, – вру я с невозмутимым видом. – Кроме того, мы с мамой живем вдвоем, так что нас слишком мало, чтобы играть в «Спросите у семьи...».

Я думал, хоть это зацепит ее, но она просто говорит:

– А меня подбили девчонки из коридора, взяли на слабб. За обедом я выпила пару пинт пива, и это вдруг показалось мне хорошей идеей. Я хочу быть актрисой или кем-нибудь на телевидении, например ведущей, а потому я подумала, что это будет хорошим опытом показаться перед камерой, но сейчас уже не уверена. Разве это не очевидный трамплин для прыжка на небосвод Голливуда? «Университетский вызов». Надеюсь, сейчас я пролечу, честно говоря, и смогу забыть об этой глупой затее. – (Ступай мягче, Алиса Харбинсон, ибо ты идешь по моим мечтам²⁷.) – А ты никогда не задумывался, что актерская игра может стать карьерой? – спрашивает она.

– Кто, я? Господи, нет, я ужасен. – Затем, в качестве эксперимента, я добавляю: – Кроме того, не думаю, что достаточно красив, чтобы стать актером.

– Нет, да что ты! Есть много актеров, которые вовсе не красавчики...

Так мне и надо!

Когда мы подходим к доске объявлений рядом с аудиторией № 6, я чувствую себя так, словно снова иду узнавать результаты экзаменов в предпоследнем классе: спокойная уверенность, смешанная с должным количеством тревоги, осознание того, насколько важно контролировать свое лицо, не выглядеть слишком самодовольным, слишком самонадеянным. Просто улыбнись, понимающе кивни и отойди.

Подходя к доске объявлений, я вижу панду, выглядывающую из-за плеча Люси Чан, и что-то в наклоне головы Люси подсказывает мне, что она узнала не слишком добрую новость. Она оборачивается и уходит прочь, одарив меня на прощание разочарованной улыбочкой. Значит, такие люди, как Люси Чан, не будут с нами в телестудии «Гранада». Какая досада! Ведь она выглядит такой милой. Я сочувственно улыбаюсь ей вслед, затем подхожу к доске объявлений.

Я смотрю на результаты.

Моргаю и смотрю снова.

ТЕСТИРОВАНИЕ

ДЛЯ «УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВЫЗОВА»

На тестировании для «Университетского вызова» 1985 года были показаны следующие результаты:

Люси Чан – 89%

Колин Пейджетт – 72%

Алиса Харбинсон – 53%

Брайан Джексон – 51%*

Таким образом, в этом году состав команды будет таким: Патрик Уоттс, Люси, Алиса и Колин. Наша первая тренировка состоится в следующий вторник. Горячо поздравляю всех участников!

Патрик Уоттс

* В случае **крайней необходимости** или **острой, опасной для жизни** болезни кого-то из игроков нашим резервом номер один является Брайан Джексон.

– О боже! Не могу поверить, я в команде! – визжит Алиса, прыгая от радости и сжимая мою руку.

– Молодчина, поздравляю. – Я где-то нахожу улыбку и прищипливаю ее к своему лицу.

– Да ты хоть понимаешь, что если бы ты не подсказал мне те ответы, то попал бы в команду вместо меня! – вопит она.

²⁷ Цитата из Йитса.

Да уж, Алиса, я это очень хорошо понимаю.

– Ну, что теперь будем делать? Может, пойдем в бар и напьемся в стельку? – предлагает она. Но я остался совсем без денег, и меня вдруг охватывает приступ лени.

Я не попал в команду, у меня в кармане 98 пенсов, и я безнадежно влюблен.

Даже не безнадежно. Бесполезно.

Второй раунд

*– Он говорит вместо трэфы – крести, – презрительно заявила
Эстелла, едва мы начали играть.*

Чарлз Диккенс. Большие надежды.

Перевод М. Лорие

9

В о п р о с: Джордж, Энни, Джулиан, Тимми и Дик более известны как...

О т в е т: Славная пятерка.

Я всегда ожидал, что со мной в университете произойдут три вещи: первая – я потеряю девственность, вторая – получу предложение стать шпионом, и третья – сыграю в «Университетском вызове». Первое из трех этих желаний, девственность, улетело через окно за две недели до моего отъезда из Саутенда в результате пьяной и скупой возни около мусорного бачка на колесиках на задворках универмага «Литтлвудс» благодаря любезности Карен Армстронг. По большому счету, рассказывать об этом происшествии нечего: земля не сдвинулась с места, лишь немного сдвинулся мусорный бачок. Потом был небольшой спор относительно того, получилось ли у нас «сделать это правильно», на основании чего вы можете сделать вывод о необычайном мастерстве и изысканной сноровке, которыми отличалась моя сексуальная техника. Возвращаясь домой той памятной летней ночью, когда мы наслаждались посткоитальными остатками бутылки теплого «Мерридауна», Карен повторяла снова и снова: «Никому не говори, никому не говори, никому не говори», словно мы только что совершили что-то действительно ужасное. Полагаю, в некотором роде так оно и было.

Что касается предложения пошпионить на правительство ее величества, то, даже если абстрагироваться от моих идеологических убеждений, я более чем уверен, что для карьеры шпиона языки крайне важны, а я владею лишь французским в объеме программы средней школы. У меня пятерка, кстати, но все же если говорить о настоящем шпионаже, то все, что я смогу сделать, – это внедриться, скажем, во французскую начальную школу, ну, максимум, в булочную.

Красная Кобра, это Черная Ласточка. Я получил точное расписание автобусов...

В общем, у меня оставался только «Вызов», так я и его умудрился просрать. Сегодня состоится первое собрание, и я приложил все усилия для того, чтобы убедить Патрика пригласить меня. Сначала он просто избегал всяких разговоров со мной, но потом, когда мне наконец-то удалось перехватить его, заявил, что запасным игрокам приходить вовсе не следует, поскольку он знает наверняка, что никто не попадет под машину. Но я настаивал, пока не сломил сопротивление Патрика, потому что если не приду, то не увижу Алису, если только не буду слоняться под ее окнами.

Не могу сказать, что эта мысль не приходила мне в голову. Целых шесть дней после нашей встречи я ни разу не видел ее. А я искал. Всякий раз, приходя в библиотеку, я кругами ходил вокруг столов или подозрительно слонялся в секции трагедий. Когда я приходил в бар с Маркусом и Джошем и те без особого энтузиазма знакомили меня с очередным Джеймсом, или Хьюго, или Джереми, я смотрел на дверь у них спиной – вдруг она войдет. Просто гуляя между лекциями, я постоянно смотрел по сторонам, но ее совсем нигде не было видно. Возможно, ее университетский опыт здорово отличается от моего. Или Алису сейчас можно встретить совсем в другом месте? Возможно, она уже влюбилась в какого-нибудь прекрасного,

скуластого ублюдка, никарагуанского поэта в ссылке, или скульптора, или еще кого-нибудь и провела последнюю неделю в постели, попивая марочные вина и читая вслух стихи? Ну ладно, хватит об этом думать. Просто позвони в дверь еще раз.

Интересно, Патрик специально дал мне неверный адрес? Я уже собираюсь уходить, когда слышу, как он топает вниз по лестнице.

– Привет! – говорю я, ослепительно улыбаясь, когда он открывает дверь.

– Привет, Брайан, – стонет Патрик, обращаясь к точке справа от моей головы, которая ему нравится больше, затем я поднимаюсь вслед за ним по общественной лестнице в его квартиру.

– Так что, сегодня все придут? – невинно интересуюсь я.

– Думаю, да.

– А ты со всеми говорил?

– Угу.

– Значит, и с Алисой поговорил?

Он останавливается на лестнице, оборачивается и смотрит на меня:

– А что?

– Просто интересно.

– Не волнуйся, Алиса придет.

Патрик снова в своей форменной университетской трикотажной рубашке, что меня немного озадачивает. Ну, я бы понял, если бы на ней было написано «Йельский университет», или «Гарвард», или еще что-нибудь в этом роде – тогда это был бы выбор, продиктованный модой. Но к чему рекламировать факт, что ты учишься в университете, перед людьми, которые учатся в университете с тобой! Неужели его беспокоит, будто люди решат, что на самом деле он прикидывается?

Мы входим в квартиру – она маленькая и простая, напоминает об образцово-показательных домах в странах Восточного блока. Пахнет теплым фаршем и луком.

– Я купил вина! – сообщаю я.

– Я не пью, – отвечает Патрик.

– Ах да, ладно.

– Думаю, тебе понадобится штопор. Где-то он у меня валялся. Хочешь чая или предпочитаешь начать сразу с алкоголя?

– С выпивки, если не возражаешь!

– Отлично, тогда проходи вон туда, я к тебе присоединюсь через минутку. Ты ведь не куришь, правда?

– Нет.

– Потому что в моем доме курить строго-настрого запрещается...

– Хорошо, я же сказал, что не курю.

– Ага, вот здесь. И ничего не трогай!

Поскольку Патрик уже на третьем курсе, а у его родителей наверняка есть деньги, он ведет почти взрослую жизнь: хорошая, не казенная мебель, возможно его собственная, телевизор, видик, в гостиной ни кровати, ни газовой плиты, ни душевой кабинки. На самом деле его и студентом-то назвать нельзя: каждая вещь на своем месте, и для каждой вещи есть свое место, словно в обители монаха или логове особо изощренного серийного убийцы. Пока Патрик ищет штопор, я осматриваю комнату. На стене над его столом находится единственное украшение в квартире: плакат, на котором изображен пляж и цепочка следов, исчезающих в закате, и воодушевляющее стихотворение о том, что Иисус всегда рядом с тобой. Хотя было бы честным напомнить Патрику о том, что если бы Иисус был рядом с ним в телевизионной студии в прошлом году, то он набрал бы больше 65 баллов.

Раздается звонок в дверь, и я слышу, как Патрик вприпрыжку несется по лестнице, поэтому пользуюсь шансом изучить его полки. В основном это учебники по экономике, рас-

ставленные четко в алфавитном порядке, и Библия благовестия. Еще одна полка с фильмами – «Монти Пайтон и Священный Грааль» и «Братья Блюз» – выдает более светлую сторону Патрика Уоттса.

А вот рядом с ними стоит подборка из двадцати одинаковых видеокассет: полка с домашними записями, на торцах которых белые наклейки с каллиграфически выведенными надписями. Я делаю шаг, чтобы получше рассмотреть, и невольно ахаю. Надписи на кассетах гласят:

03/03/1984 – Ньюкасл – Суссекс
10/03/1984 – Дарем – Лестер
17/03/1984 – Кингс-колледж – Данди
23/03/1984 – Колледж Сидни Сассекс – Эксетер
30/03/1984 – Институт науки и технологий Манчестерского
университета – Ливерпуль
06/04/1984 – Бирмингем – Университетский колледж Лондона

...и так далее, Килский университет – Суссекс, Манчестер – Шеффилд, Открытый университет – Эдинбург. Поверх кассет лежит фотография в рамке, лицом вниз. Чувствую себя совсем как Мэрион Крейн²⁸, но все же поднимаю фотку и смотрю на нее: да, действительно на этой фотографии Патрик здоровается за руку с Бамбером Гаскойном, и осознаю, охваченный внезапным приступом ужаса, что это святилище Патрика и я по неосторожности попал в логово сумасшедшего...

– Что-то ищешь, Брайан?

Я резко разворачиваюсь и озираюсь в поисках оружия. Патрик стоит в дверях, а Люси Чан выглядывает из-за его плеча, а панда Люси Чан выглядывает из-за ее плеча.

– Просто восхищаюсь фотографией!

– Отлично, но не мог бы ты положить ее на место? Именно туда, откуда взял...

– Да-да, конечно...

– Люси – чаю?

– Да-да, спасибо...

Патрик прожигает меня взглядом, красноречиво говорящим «не суй нос куда не надо», и направляется на кухню. Люси садится на стул Патрика с жесткой спинкой, но только на краешек, чтобы не раздавить свою панду. Мы сидим и молча улыбаемся друг другу, и она вдруг без всякой видимой причины издает звенящий нервный смешок. Это очень маленькая и изящная девушка, одета в очень чистую и тщательно выглаженную белую блузку, застегнутую на все пуговицы. Не то чтобы это было для меня важным, но Люси достаточно привлекательная, несмотря на приводящую в замешательство низкую челку, которая стелется по ее лбу и смыкается с бровями, словно сдвинутый вперед парик.

Я пытаюсь придумать, что сказать. Прикидываю, а не сказать ли ей, что, согласно Книге рекордов Гиннеса, фамилия Чан была официально признана самой распространенной на планете, но потом решаю, что она наверняка это уже знает, поэтому я просто говорю:

– Слушай, а у тебя отличный результат! Классная работа – восемьдесят девять баллов!

– Ой, спасибо. И у тебя отличный результат, ты так классно поработал, что...

– Проиграл?

– Ну... да, думаю, именно так! – И она снова хихикает своим высоким и хрупким смехом. – Так классно поработал, что проиграл!

К черту политес! Я тоже смеюсь и говорю:

– Неважно. Провалюсь снова – провалюсь лучше!

– Самуэль Беккет, точно?

²⁸ Героиня фильма Альфреда Хичкока «Психо», которая погибает от удара ножом в душевой придорожного мотеля.

– Точно, – отвечаю я, захваченный врасплох. – Так что ты изучаешь, я забыл?

– Я на втором курсе медицинского, – отвечает Люси, и я думаю о том, что она, черт побери, просто гений. С искренним благоговением смотрю на нее, а она тем временем пытается выбраться из своего сверхмодного рюкзака.

– Мне нравится панда, – говорю я.

– Ой, спасибо!

– Я сначала подумал, у тебя пекинес на плече. Или мне лучше сказать – пекинец на плече? – Она смотрит на меня непонимающим взглядом, поэтому, чтобы прояснить вопрос, я добавляю: – Ты ее из дому с собой привезла?

– Прости, не поняла?

– Ты ее из дому с собой привезла?

Она немало озадачена:

– Ты имеешь в виду мое общежитие?

У меня такое ощущение, будто я падаю:

– Нет, из твоего... ну, понимаешь... привезла с родины?

– А, ты имеешь в виду Китай! Потому что панда, верно? Ну, на самом деле я из Миннеаполиса, раз на то пошло.

– Нет, но твоя родина – это...

– Миннеаполис...

– А родина твоих родителей...

– Миннеаполис...

– А родина их родителей...

– Миннеаполис...

– Да, конечно, Миннеаполис, – сдаюсь я, и она дарит мне такую прекрасную, откровенную улыбку, полную доброты, словно и не заметила, что я только что вел себя как невежественный расист. – Откуда родом Принц! – поспешно добавляю я.

– Точно! Откуда родом Принц, – говорит она. – Хотя этого чувака я ни разу не встречала.

– Понятно, – бормочу я и пробую зайти с другой стороны. – А ты смотрела «Пурпурный дождь»?²⁹

– Нет, – отвечает она. – А. Ты. Смотрел. «Пурпурный дождь»?

– Ага, два раза.

– И понравилось?

– Не очень!

– Но ты же сказал, что смотрел два раза!

– Знаю, – говорю я и добавляю шутливо, с сочным американским акцентом: – Вот поди разберись!

И тут, слава богу, дверь открывается, и в ней появляется здоровяк Колин Пейджетт, а в руках у него – четыре бутылки «Ньюси браун»³⁰ и картонное ведерко из «Кей-Эф-Си».

Патрик проводит его в комнату с таким видом, с каким старший дворецкий проводит трубочиста, и в последовавшей неуклюжей тишине я перевариваю в голове свежие мысли о сложном искусстве разговора. Конечно, в идеальном варианте мне хотелось бы просыпаться по утрам с распечаткой всего, что я скажу в течение дня, чтобы можно было подумать и переписать свои реплики, вычеркнув дурацкие ремарки и тупые идиотские шутки. Но это явно непрактично, а второй вариант – больше никогда ничего не говорить – тоже вряд ли сработает.

Возможно, лучше к разговору подходить как к переходу через дорогу: перед тем как открыть рот, нужно посмотреть в обе стороны, затем внимательно подумать, что именно я хочу

²⁹ Музыкальный фильм с участием Принца.

³⁰ Ньюкаслский темный эль.

сказать. И если при этом моя речь станет немного медленной и неестественной, как при транс-атлантическом телефонном разговоре, это означает, что я немного задержался на образной разговорной обочине, глядя направо-налево, но пусть лучше так, ведь это явно разумнее, чем опрометью бросаться в поток машин. Мне больше нельзя перебегать улицу, как сейчас.

К счастью, сейчас не надо вести беседы, потому что, пока мы ждем появления Алисы, Патрик достает одну из своих наиценнейших видеокассет – прошлогодний суперфинал, и мы сидим и смотрим, как команда Университета Данди снова побеждает. Патрик тем временем бормочет ответы, а Колин ест свое ведерко жареной курятины, и в течение пятнадцати минут раздаются только эти звуки: Колин обсасывает куриные бедрышки, а Патрик с дикими глазами что-то бормочет с подлокотника дивана.

– ...Кафка... Азот... Тысяча девятьсот пятьдесят шестой... Двенадцатиперстная кишка... Вопрос-ловушка, ни один из них... Карл Филипп Эммануил Бах...

То и дело встречаю я или Колин, с набитым куриным мясом ртом:

– Равель... «Ад» Данте... Роза Люксембург... «Вени, види, вичи»...

Но Патрик явно помечает свою территорию, показывает, кто здесь босс, потому что его голос постепенно становится громче:

– ...«МУДИ БЛЮЗ»... ГОЙЯ... БРЮШНОЙ ТИФ... МЭРИ... ЭТО ВСЕ ПРОСТЫЕ ЧИСЛА...

...И хотя я люблю программу не менее других, но не могу отделаться от мысли, что все это немного слишком...

– ...РЕЙН, РОНА, ДУНАЙ... МИТОХОНДРИЯ... МАЯТНИК ФУКО...

...Интересно, он это все наизусть зазубрил? А нам полагается считать, что он этого никогда не видел, или нам полагается считать, что он и так все это знает? И что по этому поводу думает Люси Чан? Я бросаю взгляд в сторону и вижу, что она наклонила голову, вроде как смотрит в пол, но глаза ее закрыты, и сначала мне кажется, что она, наверное, расстроена, что вполне понятно, но потом я замечаю, как слегка подрагивают ее плечи, и понимаю, что она пытается не рассмеяться...

– ...«ОДА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ»... БО ДИДДЛИ... ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ... БЕРЛИНСКИЙ АВИАМОСТ...

...И в тот момент, когда кажется, что она вот-вот расхохочется, внизу раздается звонок, и Патрик мчится открывать, оставив нас вдвоем смотреть в телевизор перед собой. В конце концов Колин первым нарушает тишину. Тихим, заговорщицким голосом он спрашивает:

– Слышь, народ, это только мне кажется или этот чувак и правда на всю голову шизанутый?

С появлением Алисы атмосфера значительно разряжается. Она прибегает вся запыхавшаяся, упакованная в шарф, пальто и замшевые рукавицы, обводит комнату взглядом, всем улыбается и произносит «привет».

– Привет, Брай, – тепло говорит она и игриво подмигивает мне.

Патрик, зубрила, суетится вокруг нее, теребит руками свои бежевые пластиковые волосы, предлагает ей присесть и наливает бокал болгарского «Каберне совиньон», которое купил я (причем за немалые для меня деньги), словно это его бутылка. Когда Алиса спрашивает: «Ничего, если я закурю?», Патрик отвечает: «Пожалуйста!», словно его внезапно озарила ужасная мысль о том, как это он раньше не догадался, и начинает смотреть по сторонам, что можно использовать как пепельницу, и находит небольшую тарелочку со скрепками, которые он вытряхивает на стол в диком панковском порыве.

Алиса втискивается на диван рядом со мной, прижавшись своим бедром к моему, а Патрик прочищает горло и обращается к команде:

– Вот мы и собрались! Славная четверка! Я искренне надеюсь, что в этом году мы покажем нечто особенное...

Секундочку – славная четверка?

– Чтобы объяснить вам, как все устроено, начну с того, что...

Я считаю людей, собравшихся в комнате: один, два, три...

– ...на первом этапе нам нужно пройти отбор на турнир, который будут показывать по телевизору...

Почему бы не сказать «Славная пятерка»? У него бы не отсох язык сказать «Славная пятерка».

– Это состоится через две недели, и все пройдет в неформальной, но весьма напряженной атмосфере, так что нам придется постараться изо всех сил, как будто нас действительно показывают по телевизору. Поэтому начиная с сегодняшнего дня я предлагаю нам четверым собираться здесь в это время каждую неделю, просто пробежаться по нескольким вопросам, которые я буду готовить заранее, может, смотреть пару-тройку кассет, чтобы держать руку на пульсе...

Секундочку – почему я не могу прийти? Мне нужно приходить, если я не приду, то не увижу Алису. Я поднимаю руку, чтобы задать вопрос, но Патрик как раз ставит кассету в видеик, поэтому я кашляю и говорю:

– Кхм, Патрик?

– Да, Брайан?

– А мне не надо приходить?

– Не думаю...

– Совсем?..

– Совсем.

– А вам не кажется, что, вообще-то, это неплохая идея...

– Послушай, ты нам понадобишься только в экстренном случае. Мне кажется, будет лучше, если мы вчетвером притремся друг к другу как к членам команды, чтобы смотреть друг на друга, ну, как на команду.

– Так я вам не нужен?

– Нет.

– Даже просто для того, чтобы я приходил, знаете ли, наблюдал?..

– Нет, Брайан, не надо приходить... – И Патрик нажимает кнопку воспроизведения на видеике. – Вот, а сейчас посмотрим четвертьфинал позапрошлого года – Лидс против Биркбека. Очень хорошая игра. – Он плюхается на диван, так что Алиса теперь зажата с двух сторон и ее бедро прижато к моему, но мои мысли заняты разработкой планов убийства Патрика Уоттса.

10

В о п р о с: Какой латинский девиз сопровождает ревущего льва в начале фильмов компании «Метро Голдвин Майер» и что он означает?

О т в е т: *Ars gratia artis* – искусство ради искусства.

– Знаете, честно говоря, я это просто ненавижу. Я имею в виду, что это великое лирическое любовное стихотворение – полная чушь. Это всего лишь стишки озабоченного парня, сексуально неудовлетворенного, жалкого хама, который пытается залезть возлюбленной под юбку, разглагольствуя о «крылатой мгновений колеснице», и не признает «нет» за ответ. В этом стихотворении нет ничего лирического или романтического, и уж подавно ничего эротичного, – протяжно говорит подружка Алисы, Эрин, девушка с глазами кошки и обесцвеченными волосами. – На самом деле, если бы парень прислал мне это стихотворение, или прочитал его вслух, или еще чего, я бы вызвала полицию. Неудивительно, что его возлюбленная так и осталась неприступной. Этот поэт – настоящий женоненавистник.

— Так ты считаешь, что Эндрю Марвелл³¹ – женоненавистник? – спрашивает профессор Моррисон, откидываясь в кресле и переплетая длинные пальцы на животе.

– В общем-то, да. По крайней мере, в этом стихотворении.

– Значит, голос поэта и голос в стихотворении – это одно и то же?

– А почему бы и нет? Нет ничего, что указывало бы на существование четкого разделителя...

– А ты что думаешь, Брайан?

По правде говоря, я как раз думаю об Алисе, поэтому беру небольшой тайм-аут, прикрывая его растиранием ушей, словно мои самые важные способности скрыты в мочках и нужно просто немного разогреть их. Это всего лишь третий мой семинар, и в прошлый раз я влип – сказал, что читал «Мэнсфилд-парк»³², хотя в действительности всего лишь смотрел половину серии по телику, – поэтому в этот раз очень важно не облажаться. Я выуживаю из своего арсенала фразу «исторический контекст».

– Думаю, здесь все намного сложнее, особенно если смотреть на стихотворение сквозь призму исторического контекста...

Тут Эрин чмокает губами и вздыхает – она всегда так делает, стоит мне только открыть рот на семинарах. Эрин явно меня на дух не переносит, хотя и не знаю почему – ведь я всегда ей улыбаюсь. Хотя, может, причина кроется именно в этом? Ладно. Сосредоточься.

– Начать хотя бы с того, что здесь явно присутствует большая доля юмора. Риторика используется вполне осознанно, и в этом смысле стихотворение немного схоже со сто тридцатым сонетом Шекспира, «ее глаза на звезды не похожи...». – (Круто я.) – Кроме того, красноречие поэта показывает его глупцом: отчаяние, крайности, на которые ему приходится идти, чтобы убедить возлюбленную уступить, делают его поистине комическим персонажем. Это комедия сексуального разочарования и романтического унижения. На самом деле эта эпони-мическая «застенчивая возлюбленная»³³, объект страсти, оставшийся без взаимности, облачена в стихотворении всей властью...

– Да что за поток реакционного, шовинистического дерьма! – возмущается Эрин, которая в течение моей речи извивалась на стуле, яростно скрипя винилом. – У неприступной возлюбленной нет власти, как нет и индивидуальности, просто пустышка, которую характеризует

³¹ Эндрю Марвелл (1621–1678) – английский поэт-метафизик, один из основателей поэзии английского классицизма.

³² Роман Джейн Остин.

³³ Стихотворение Э. Марвелла называется «Застенчивой возлюбленной».

лишь красота и нежелание переспать с поэтом. И тон здесь ни капли не комичный и не лиричный, а хамский, повелительный и тиранический.

Затем Крис-Хиппи поднимает свою грязную руку и начинает говорить, и я решаю дать Эрин возможность использовать его как палку для заточки ногтей вместо меня. Профессор Моррисон улыбается мне отеческой улыбкой, давая понять, что он полностью согласен со мной. Мне нравится профессор Моррисон. А еще я его побаиваюсь – наверное, это правильное сочетание для преподавателя. Он немного похож на Дэвида Аттенборо, что тоже неплохо для преподавателя, носит преимущественно вельвет и трикотажные галстуки и худой как щепка, если не считать пузика, которое выглядит подушкой, привязанной к телу под грязной рубашкой. Он пристально вслушивается в ваши слова, немного задрал голову, сложив ладони перед губами, совсем как Умники по телику.

Пока Эрин живо свежует Криса, а профессор Моррисон смотрит на них, я перестаю следить за темой разговора, смотрю в окно, выходящее в сад, и возвращаюсь к мыслям об Алисе.

Топая с семинара по Хай-стрит, я вижу Ребекку Как-Бишь-Ее вместе с парой охрененно-озлобленно-решительных, с которыми она повсюду шатается. Они суют листовки в руки индифферентных покупателей, и я начинаю задумываться, не перейти ли мне на другую сторону улицы. Честно говоря, я немного подозрительно отношусь к ней, особенно после нашего последнего разговора, но я дал себе слово завести в университете как можно больше новых друзей, даже если мне изо всех сил будут показывать, что недолюбливают меня.

– Приветик! – говорю я.

– О, танцующая королева! Как дела? – спрашивает Ребекка и всовывает мне листовку, призывающую бойкотировать «Барклайз».

– На самом деле стипендию мне платит другая заботливая гуманистическая транснациональная банковская организация! – говорю я с колким, язвительным, сатирическим мерцанием в глазах, но она уже и не смотрит на меня, а снова раздает листовки и орет: «Боритесь с апартеидом! Поддержите бойкот! Не покупайте товары из ЮАР! Скажем „нет“ апартеиду!»

Я начинаю чувствовать себя тоже немного бойкотированным, поэтому уже делаю несколько шагов прочь, когда она говорит ненамного более мягким голосом:

– Ну как, значит, обживаешься помаленьку?

– Да нормально. Живу в доме вместе с парой настоящих долбанных Рупертов. Но если не считать этого, то вообще все не так уж плохо... – Удочку насчет классовой борьбы я забросил специально для нее, но не думаю, что она схватила наживку, потому что смотрит на меня непонимающим взглядом.

– Так их обоих зовут Рупертами?

– Нет, зовут их Маркус и Джош.

– А почему они Руперты?

– Да потому что они, они... ну, знаешь... Руперты.

Но шутка начинает утрачивать соль, и мне приходит в голову предложить ей пораздавать листовки вместо нее. В конце концов, в этом вопросе я занимаю убежденную позицию: политики воздержания от южноафриканских фруктов я придерживаюсь едва ли не столь же строго, как политики воздержания от фруктов вообще. Но тут Ребекка сворачивает оставшиеся листовки и вручает их своим коллегам:

– Ну ладно, на сегодня мне хватит. Увидимся, Тоби, пока, Руперт...

И я вдруг обнаруживаю, что иду по улице рядом с ней, не особо понимая, чья же это была идея.

– Так куда сейчас направимся? – интересуется она, засунув руки глубоко в карманы своего черного винилового пальто.

– В общем-то, я как раз шел в городскую картинную галерею!

- В картинную галерею? – заинтригованно переспрашивает она.
- Ага, дай, думаю, пройдусь посмотрю, чего там новенького.
- Ребекка морщит нос и говорит:
- О'кей, давай посмотрим, чего там новенького.

Ох уж эта старая как мир уловка насчет того, чтобы посмотреть, чего новенького в картинной галерее! Давненько я искал повода использовать ее, потому что в Саутенде этот номер не прокатит, а тут есть настоящая картинная галерея: приглушенная библиотечная атмосфера, мраморные скамейки, дремлющие в удобных креслах зрители. В идеале я планировал привести сюда Алису на свидание, но перед первым разом неплохо провести обкатку с кем-нибудь другим, чтобы я заранее разучил реплики для спонтанной реакции.

Не буду скрывать, что моя реакция на изобразительное искусство может быть достаточно поверхностной: например, я часто прибегаю к приему сравнения кого-нибудь, изображенного на картине, с тем-то и тем-то из телика. Мне также не помешало бы поднабраться картинно-галерейного этикета – как долго стоять перед каждой картиной, какие звуки издавать и все такое, – но сейчас мы с Ребеккой идем в удобном ритме: недостаточно быстро, чтобы наше знакомство с прекрасным казалось поверхностным, и не столь медленно, чтобы помереть со скуки.

Сейчас мы в зале восемнадцатого века, стоим перед ничем особо не примечательной картиной – портретом какой-то парочки, о которой я никогда не слышал: запечатленные в стиле Гейнсборо лорд и леди стоят под деревом.

– Восхитительная перспектива, – замечаю я, но привлекать внимание к тому, что по мере удаления от нас предметы становятся меньше, кажется мне немного банальным, поэтому я решаю испытать более марксистский, социально-политический подход. – Посмотри на их лица! Кажется, они весьма довольны своей судьбой!

– Как скажешь, – без особого энтузиазма отвечает Ребекка.

– А ты не любишь искусство?

– Конечно же люблю. Просто не считаю, что если кого-нибудь засунули в огромную сраную золоченую раму, то я должна стоять перед ним часами, потирая подбородок. Ты только посмотри на все это... – Не вынимая рук из карманов, она широким жестом обводит всю комнату полый своего пальто, словно крылом летучей мыши. – Портреты знатных богачей, лелеющих свои нажитые несправедливым путем богатства, лубочные картинки непосильного сельского труда, портреты безупречно чистых хрюшек, ты только посмотри на это уродство, – указывает она на пышную обнаженную девушку, кровь с молоком, лежащую в шезлонге, – мягкое порно для работоторговцев! Где ее громко кричащие лобковые волосы! Ты хоть раз в жизни видел такую обнаженную женщину?

Я задумываюсь, не сказать ли ей, что я никакой голый женщины пока не видел, но не хочу показаться полным профаном в искусстве, поэтому храню молчание.

– Слушай, вот для кого это, а?

– А ты разве не согласна с тем, что у искусства есть внутренняя ценность?

– Нет, просто я не считаю, что у него есть внутренняя ценность лишь потому, что кто-то решил назвать это искусством. Как вот это – такое дерьмо развешивают по стенам провинциальных клубов консерваторов...

– Я так понял, что, начнись революция, ты все это спалишь...

– Господи, ты уже успел этого понабраться – любимой привычки сводить характеры людей к стереотипам...

Я иду вслед за ней в зал, где среди множества мужских портретов висит один-единственный женский, и решаю увести разговор в сторону от политики:

– Интересно, если ты обращаешься к аудитории, где среди мужчин всего одна женщина, как правильно сказать: «Дамы и господа» или «Дама и господа»?

Это кажется мне достаточно умным вопросом, вполне в духе Четвертого канала радио, но Ребекка не клюет на удочку.

– А у тебя какие политические убеждения? – спрашивает она.

– Думаю, я, скорее всего, либерал-гуманист левых взглядов.

– Другими словами – ничто...

– Ну, я бы так не сказал...

– Так что ты, говоришь, учишь?

– Англ. лит.

– Какой еще англит?

– Английскую литературу.

– Так вот как ее сейчас называют? И что привлекло тебя в этом англите, кроме того, что это явно возможность надолго, классно и кайфово посачковать?

Я предпочитаю проигнорировать ее последнее замечание, поэтому перехожу непосредственно к своему номеру:

– Знаешь, на самом деле я толком и не знал, чем заняться. У меня были достаточно хорошие оценки практически по всем предметам на экзаменах как в предпоследнем, так и выпускном классе, и я подумывал насчет истории, искусства или, может быть, какой-нибудь естественной науки. Но чем привлекательна литература – в первую очередь тем, что она заключает в себе все дисциплины – это и история, и философия, и политика, и сексуальные взаимоотношения, социология, психология, лингвистика, естественные науки. Литература – это организованный ответ человечества на мир вокруг него или нее, поэтому в каком-то смысле это единственный естественный ответ, который должен содержать в себе все... – небольшой разбег, – великолепие интеллектуальных концепций, идей, тем...

Итэдэ, итэпэ, и проч. Если быть до конца честным, я эти фразы говорю не в первый раз. На самом деле я уже выступал с этим номером на собеседованиях при поступлении в университет, и пусть это не совсем «Мы будем драться на побережьях...»³⁴, это обычно проходит на ура перед преподами, особенно если сопровождать выступление, как сейчас, бесконечным взъерошиванием волос и экспрессивными жестами. Тем временем я подвожу свою речь к сокрушительной кульминации:

– ...И как говорит эпонимический Гамлет Полонию во втором акте, сцена вторая, все это, несомненно, «слова, слова, слова», и то, что мы называем литературой, в действительности является инструментом, который может быть более точно описан как Изучение... Всего.

³⁴ Знаменитая фраза Уинстона Черчилля из его речи в палате общин 4 июня 1940 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.